

РОВЕСНИК

5
1980

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА — *Май, 1980, № 5*

9 МАЯ —
35 ЛЕТ ПОБЕДЫ
НАД ФАШИЗМОМ.
Очерки, посвященные великому подвигу советского народа.
Солдаты говорят о мире — анкета «Ровесника» к 25-летию Варшавского Договора

На первой странице обложки: эти дети не видели войны. Их отцы войны не видели тоже. И этот солдат не видел войны, не воевал. И даже отец его не воевал. Так давно была война. А чтобы никому — ни детям, ни старикам — не довелось увидеть, как рвутся бомбы, служит в армии молодой солдат. Он охраняет мир, покой стариков и детство детей.

Фото Л. ЯКУТИНА

Адрес редакции: Москва, 125015, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 13.03.80. Подп. к печ. 17.04.80. А02643. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 1 150 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 357.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ЛИМА. Здесь состоялось торжественное собрание, посвященное 20-летию Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (УДН). За прошедшие 20 лет только для Перу в этом вузе было подготовлено несколько сот высококвалифицированных специалистов. Встречи выпускников УДН, посвященные его 20-й годовщине, прошли также в Мозамбике, Республике Гвинея-Бисау, Непале и других странах.

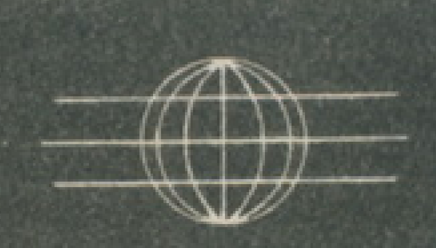
ТОРОНТО. Как сообщила недавно газета канадских коммунистов «Канадиен трибюн», по официальным данным, в стране 779 тысяч человек не имеют работы; среди них 12,3 процента моложе 24 лет. Безработица среди выпускников колледжей приняла катастрофический характер, диплом не гарантирует места.

ТЕЛЬ-АВИВ. Среди израильской молодежи растет недовольство внешней политикой правительства Бегина. Группа студентов направила министру обороны Израиля письмо с отказом проходить военную службу на оккупированных Израилем арабских территориях, по праву принадлежащих арабскому народу. Авторам письма грозит тюремное заключение.

ДЕЛИ. Широкие слои демократической общественности Индии решительно осуждают вмешательство во внутренние дела Афганистана со стороны США, Китая и Пакистана. Под руководством Коммунистической партии Индии прогрессивные молодежные организации страны — Всеиндийская федерация молодежи и Всеиндийская федерация студентов — принимают активное участие в кампании по разоблачению происков империалистов и маоистов против Демократической Республики Афганистан.

На снимке: демонстрация индийской молодежи против вмешательства США и Китая в дела афганского народа.

МОСКВА. Бюро Международного молодежного туризма «Спутник» завершает приготовления к приему иностранных гостей, которые приедут на Олимпийские игры. Обслуживать Олимпиаду в числе других будут 80 тысяч студентов московских вузов — на это время они станут переводчиками, гидами, продавцами и поварами.

МАДРИД. По всей Испании прокатилась волна массовых студенческих волнений. Студенты протестуют против предполагаемых реформ в области высшего образования, которые призваны еще более ограничить прием в вузы лиц из плохо обеспеченных семей и увеличить плату за обучение. Одновременно правительство намерено продолжить субсидирование частных католических колледжей для детей из состоятельных семей.

БЕРЛИН. В столице ГДР прошел X международный фестиваль политической песни, который ежегодно проводит Союз свободной немецкой молодежи. В нем приняли участие коллективы и солисты из 30 стран четырех континентов. Участники фестиваля провели дискуссию «Музыка и политика», побывали на предприятиях Берлина, познакомились с жизнью молодежи ГДР. Одним из самых ярких событий стало исполнение оратории «Всеобщая песнь» на стихи великого чилийского поэта Пабло Неруды.

КАБУЛ. Одна из главных задач Демократической Республики Афганистан — борьба с неграмотностью: более 90 процентов населения страны не умеют читать и писать. Внутренняя и внешняя реакция пытается помешать выполнению этой благородной задачи. Несмотря на это, в новом учебном году значительно возросло число учащихся, которые впервые приступили к занятиям, больше слушателей стало на курсах по ликвидации неграмотности среди взрослых.

На снимке: этим девушкам апрельская революция открыла возможность учиться.

РИМ. В столичном университете состоялась многотысячная демонстрация протеста против очередного террористического акта, совершенного членами левацкой организации так называемых «красных бригад». Жертвой стал один из преподавателей университета. Столичных студентов поддержали рабочие и учащиеся всей Италии: они потребовали положить конец вылазкам террористических группировок, пытающихся создать в стране атмосферу страха и насилия.

САНТЬЯГО. Студенчество Чили протестует против изгнания из вузов страны семидесяти профессоров. «Вина» профессоров заключалась в том, что они осмелились выразить несогласие с подготовленным хунтой проектом «конституции», которая призвана узаконить на десятилетия фашистский режим. Она предусматривает также запрет деятельности политических, профсоюзных и массовых (в том числе молодежных) организаций, юридически закрепляет сегодняшнее бесправие молодежи и рабочего класса Чили.

ДЖАКАРТА. Около миллиона индонезийских детей в 1980 году перестали ходить в школу. Причина этого, считает джакартская газета «Мердека», — нехватка школьных помещений и преподавателей, особенно в сельской местности, где живет большинство населения.

ВАШИНГТОН. В столице США, в Нью-Йорке, Сан-Франциско, в университетах Беркли и Стэнфорда, в других городах страны проходят демонстрации молодежи, выступающей против милитаризации страны. Демонстранты пришли к Белому дому с плакатом «Равные возможности убивать или умирать?». В заявлении, опубликованном Союзом молодых рабочих за освобождение (СМРО), говорится: «Мы отказались умирать во Вьетнаме, мы отказались умирать в Анголе, мы отказываемся стать международным политическим жандармом в безумии картеровской «холодной войны».

На снимке: антивоенная демонстрация перед Белым домом.

смотрите:

СОЦИАЛИЗМ НА СТРОЙКЕ

Возводят новые дома польские строители, управляет современнейшими станками монгольская ткачиха, отправляются в поиск вьетнамские геологи, уходят в плавание суда, построенные рабочими ГДР, идет обычный урок в венгерской школе — эти снимки рассказывают о том, как живет мир социализма сегодня, спустя тридцать пять лет со дня Победы, которая сделала возможной эту мирную, созидательную жизнь.

МИР ПОМНИТ И БУДЕТ ПОМНИТЬ

И. Х. БАГРАМЯН,
Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза

В эти майские дни мы празднуем 35-ю годовщину Победы. Вместе с нами этот знаменательный юбилей отмечают и все честные люди на Земле. Что значила победа над фашизмом для нас, советских людей, для всего прогрессивного человечества, проникновенно и ярко сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР Леонид Ильич Брежнев: «Наша победа — это высокий рубеж в истории человечества. Она показала величие нашей социалистической Родины, показала всесилие коммунистических идей, дала изумительные образцы самоотверженности и героизма — это все доподлинно так. Но пусть будет мир, потому что он очень нужен советским людям, да и всем честным людям Земли».

За тридцать пять мирных лет Европа залечила военные раны под мирным небом, выросли новые поколения. Время, казалось бы, могло многое изгладить в памяти. Но нет! Ни время, ни смена поколений не застилают и никогда не скроют от обращенного в прошлое пристального взора человечества героизм и мужество, с которыми советские воины под руководством ленинской партии, презрев страх смерти, отстояли не только свою Родину, свою свободу, завоевания Великого Октября, но и сыграли решающую роль в избавлении всего мира от зловещей угрозы фашистского порабощения. Память народная хранит все великое

НЕ АРГУМЕНТОМ СИЛЫ, А СИЛОЙ АРГУМЕНТА

Александр КАВЕРЗНЕВ,
политический обозреватель
советского телевидения и радио

Смотрю на карту. На Гавайских островах американский вертолетоносец «Окинава» и три сопровождающих его десантно-транспортных судна приняли на борт тысячу восемьсот морских пехотинцев с танками, гаубицами, противотанковыми ракетами. Доставили их на военно-морскую базу на Филиппинах. Там на протяжении двух недель пехотинцы обучались десантным операциям. Это было в феврале нынешнего года. К концу марта отряд пришел в Аравийское море. Якоря бросили чуть южнее Персидского залива. Представитель Белого дома сказал: «На нашей памяти это первый случай, когда батальон корпуса морской пехоты переброшен в тот регион». Событие в некотором роде историческое.

В близлежащих водах скопилась армада американских авианосцев, фрегатов и еще бог весть каких кораблей. Они курсируют по периметру богатейшего нефтеносного района мира. Высматривают, где бы обзавестись базами.

На Европейском континенте в рамках НАТО уже решено разместить около шестисот новых американских ракет среднего радиуса действия с ядерными боеголовками. В их числе должны быть крылатые ракеты. Они способны летать на столь малой высоте, что наблюдать за ними крайне затруднительно. Может утратить смысл сама идея контроля над ядерными вооружениями.

Американская администрация приостановила процесс ратификации Договора ОСВ-2. Принята рассчитанная на пять лет программа перевооружения Соединенных Штатов. Прочерчивается стратегическая ось Вашингтон — Пекин, на которую хотят нанизать и Токио. Америка и Китай сообща вооружают Пакистан.

Джеймс Картер в Вашингтоне, Маргарет Тэтчер в Лондоне, Дэн Сяопин в Пекине уверяют, будто все это связано с событиями в Афганистане. Ложь. Это началось за много месяцев до того, как Афганистан стал упоминаться на первых полосах западных газет. Чуткие репортеры, аккредитованные при Белом доме, еще прошлым летом уловили в окружении президента ностальгию по временам «холодной войны», когда Соединенные Штаты диктовали свою волю на значительной части земного шара. Невинная грусть переросла в подобие тяжелой болезни. Стимулятором послужила президентская предвыборная кампания: Картеру понадобились голоса консервативных американцев.

С утроенной энергией в Вашингтоне и НАТО заговорили о мифической угрозе с Востока. Стали подтачи-

Встреча молодежи социалистических стран. 1979 год.

и благородное, что свершили предыдущие поколения. Нетленна в этой памяти и героическая эпопея Великой Отечественной войны. Именно обогащенные народной памятью, сегодняшние мальчишки и девчонки и их отцы и матери — совсем еще молодые люди — ПОМНЯТ, как если бы участвовали в нем, великое противоборство советского народа с мрачными силами империалистической реакции; ПОМНЯТ великую Победу в этом противоборстве. Среди многих фактов священного уважения к этой памяти есть и такой весьма красноречивый — отмененные несколько лет назад во Франции торжества по случаю разгрома гитлеризма вновь восстановлены. Память народа отмела прочь попытки предать забвению незабываемое. И это прекрасно. В этом залог будущего, залог нерушимого мира!

Особенность нашей победы состоит в том, что она открыла возможности для создания еще небывалого в истории содружества народов — социалистического содружества. Социалистическое содружество и его военно-политический оборонительный блок — организация Варшавского Договора — во все послевоенные годы служат мощным противовесом силам реакции и войны.

Сегодня, как и 35 лет назад, ясно всем: победа не пришла сама собой. Но сегодня, как и всегда, нужно помнить: мир сам собой тоже не сохраняется. Сохранение мира также требует упорных, последовательных, повседневных усилий. И наша партия во главе с Центральным Комитетом и его Генеральным секретарем Леонидом Ильичом Брежневым предпринимает поистине титанические усилия, чтобы сделать это.

В нынешней обстановке, когда империализм пытается вернуть мир к атмосфере «холодной войны», тщится вновь проводить политику с позиции силы, полезно напомнить уроки второй мировой войны. Всем, кто еще не расстался с иллюзорными планами помериться силами с мировым социализмом, не вредно в эти майские дни, когда народы в тридцать пятый раз празднуют великую Победу, освежить в своей памяти, чем кончаются подобные авантюры. Наше государство, политику партии великого Ленина всегда отличало миролюбие, но как раньше, так и теперь мы готовы дать решительный отпор любому агрессору, который осмелится посягнуть на наши завоевания. А наша победа в минувшей войне вселяет мужество и оптимизм во всю многомиллионную всемирную армию борцов против новой войны.

вать здание разрядки. Соединенные Штаты разорвали с нами десятки различных соглашений.

Злоумышленник часто разыгрывает истерику, чтобы скрыть свой злой умысел, отвлечь внимание от основной своей цели. Но цель империалистических злоумышленников ясна: они хотят нарушить существующий паритет в вооружении, добиться перевеса в свою пользу. Что бы там ни говорили на Западе, именно в этом суть дела.

Сложная ситуация. Трудная. Но спокойно и уверенно звучит голос Леонида Ильича Брежнева:

«Мы смотрим в будущее с оптимизмом. И это — обоснованный оптимизм. Мы понимаем, что вызванное американским империализмом намеренное обострение международной обстановки выражает его недовольство упрочением позиций социализма, подъемом национально-освободительного движения, укреплением сил, выступающих за разрядку и мир. Мы знаем, что воля народов сквозь все препятствия пробила дорогу тому положительному направлению в мировых делах, которое емко выражается словом «разрядка». Такая политика имеет глубокие корни. Ее поддерживают могучие силы. и эта политика имеет все шансы оставаться ведущей тенденцией в отношениях между государствами».

Одной из самых влиятельных сил, на которые опирается разрядка, является организация Варшавского Договора.

Молодые люди иногда понимают упрощенно: функция Варшавского Договора, мол, в том, чтобы направленной на нас военной силе противопоставить свою силу. Это верно только отчасти. Организация Варшавского Договора в самом деле следит за тем, чтобы у социалистических стран был военно-стратегический паритет с империализмом. Преимуществ нам не надо, мы не агрессивны. Но и отставать не имеем права, чтобы не поставить под угрозу наш строй, нашу жизнь.

К равенству сил можно, однако, идти разными путями. Или в ногу с империализмом нестись по спирали гонки вооружений. Или вызвать к жизни на Западе такие силы, которые осознают безумство этой гонки и вместе с нами сдержат ее. В таком случае откроется перспектива согласованного ограничения вооружений, а потом и разоружения. Решение международных конфликтов переместится из традиционной для буржуазных государств военной плоскости в мирную.

Этот второй путь реален при условии, что мировой социализм достаточно развит, крепок, авторитетен. Мысль не новая, ей более ста лет, первыми ее высказали Маркс и Энгельс. Ленин после 1917 года практически ориентировал в этом направлении внешнюю политику нашего государства. Противоборство советской дипломатии со старыми буржуазными концепциями было жестоким. Не всегда удавалось повернуть развитие в мирное русло. В Европе с приходом к власти Гитлера взял верх военный фактор. Однако после 9 мая 1945 года, когда возникла мировая система социализма, ее тенденции стали ведущими. Варшавский Договор впервые в истории объединил группу государств не для того, чтобы на кого-то давить, кому-то угрожать, а чтобы методично, шаг за шагом уводить человечество от грани войны, вытеснять привычную военную конфронтацию мирным решением спорных проблем. И эта организация в первую очередь не военная, а политическая. В значительной степени Варшавскому Договору Европа обязана тем, что живет в мире. Может быть, иному читателю это утверждение покажется умозрительным, голословным. Поэтому стоит, наверное, мысленно вернуться к событиям четвертьвековой давности.

Мы не рассорились с союзниками по антигитлеровской коалиции в обыденном смысле этого слова. Не было у нас взаимных территориальных претензий или сколько-нибудь значительных имущественных споров. Конфликт был глубже. Он лежал в сфере идеологии. Мы предлагали мир, основанный на равенстве государств, взаимно гарантированной безопасности и свободе социальных преобразований. Они мыслили мир с застывшим социальным устройством под патронажем американского империализма. Даже если отвлечься от реакционной сути их позиции, мы не можем согласиться с тем, что такой мир может быть устойчивым. Подавление национально-освободительных движений, насилие над назревшими революциями всегда чреваты войной. Последующий трагический опыт Кореи, Индокитая, Ближнего Востока, Южной Африки доказал, что мы были правы.

В Европе в фокусе конфликта двух мировых социально-экономических систем оказалась послевоенная Германия. В 1949 году в западной ее части образовалась ФРГ. Пять лет спустя Соединенные Штаты возбудили вопрос о ее ремилитаризации и принятии в члены НАТО. Я помню, как болезненно реагировали на это советские люди. Сколько жизней, сколько жертв было принесено, чтобы уничтожить германский милитаризм! И что же, все вновь?

30 августа 1954 года в Национальном собрании Франции поставлен на голосование договор о создании Европейского оборонительного сообщества, в которое должна будет войти Западная Германия. 319 депутатов против договора, только 264 за, 12 воздержавшихся. У нас вздох облегчения: может быть, все еще образуется? В НАТО тревога, в Бонне паника. Тогдашний канцлер ФРГ Аденауэр с курорта Бюлерхоэ под Баден-Баденом по телефону запросил своего посла в Париже, не следует ли вмешаться, чтобы переломить французов. Посол отсоветовал. «Он был прав, — напишет позже Аденауэр в своих мемуарах. — Повлиять на ход событий я не мог, и мне оставалось лишь ждать трагической развязки. Это были мучительные дни».

1 сентября канцлер вызвал на курорт членов кабинета. Решили просить содействия США и Англии. 12—13 сентября в Бонне побывал английский министр иностранных дел Иден, 16 сентября — государственный секретарь США Даллес. Почему Аденауэр так торопился? Вот откровенное признание — может быть, самое важное из всех, когда-либо им сделанных: он опасался, что «Германия в ближайшие полгода или год постепенно начнет поворачиваться в сторону Востока».

Лихорадка, охватившая Западную Европу, вызвала смятение в мире. Война не казалась уже далеким призраком. В конце сентября девять западных государств созвали конференцию в Лондоне, менее чем через три недели — в Париже. Упорство Франции было сломлено. 23 октября 1954 года Парижские соглашения сняли с ФРГ ограничения, касавшиеся наращивания военно-промышленного потенциала. Западной Германии разрешили создать вооруженные силы. Одновременно Парижские соглашения предусматривали создание в рамках НАТО военно-политической организации под названием Западноевропейский союз.

Оставалась слабая надежда, что соглашения не будут ратифицированы национальными парламентами. Европу всколыхнула волна демонстраций. В декабре Московское совещание восьми социалистических государств констатировало, что Парижские соглашения «значительно усилили угрозу новой войны», что Запад фактически отказался от послевоенного урегулирования в Европе. Тем не менее 5 мая 1955 года Парижские соглашения вступили в силу.

Через два дня ФРГ стала членом Западноевропейского союза. Нашей стране не оставалось ничего другого, как в тот же день денонсировать советско-английский договор 1942 года и советско-французский 1944-го. 9 мая (какая ирония судьбы!) Западную Германию приняли в Североатлантический блок. 11 мая в Варшаве собрались на совещание представители восьми социалистических государств Европы и был подписан Варшавский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

В самом перечне этих дат и событий, стремительно набегавших одно на другое, кроется драматизм. Надеюсь, читатели его почувствовали. То был, без сомнения, напряженнейший момент в истории послевоенной Европы. Положив на чашу весов Варшавский Договор, социализм склонил их в сторону мира. Не из пустого красноречия, а в искреннем порыве в мае 1955 года пражские, берлинские, бухарестские газеты щедро расставляли восклицательные знаки: «Мы спасены!»

Теперь, оглядываясь назад, отчетливо видишь, как близоруки были западные державы, замышляя в 1954 году массированную атаку на наше содружество. Они не понимали, что уже тогда им не под силу было изменить соотношение сил, сложившееся в пользу социализма. Как же нелепо предпринимать подобную попытку четверть века спустя, когда социализм многократно приумножил свою мощь!

Эта мощь опять-таки заключается не только в том, что мы и наши союзники нарастили экономический и оборонный потенциал, создали современные системы оружия, на десятках совместных учений отработали взаимодействие братских армий. За нами сила благотворного политического влияния на мир. Идеи и конкретные инициативы, на протяжении 25 лет исходившие от участников Варшавского Договора, в конечном итоге определили нынешние тенденции европейского развития.

Поразительна настойчивость, с какой продвигается организация Варшавского Договора к раз и навсегда выбранной цели. Без малого десять лет кропотливых усилий было потрачено на подготовку Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и участие в его работе. Путь Европы к Заключительному акту, подписанному в Хельсинки, пролегал через серьезные препятствия. Надо было урегулировать отношения между Советским Союзом, Польшей, Чехословакией с одной стороны и ФРГ — с другой. Сделали это. Выработано четырехстороннее соглашение по Западному Берлину. Попутно решили множество частных, не столь значительных по масштабам, но от этого не менее сложных проблем. Создали в Европе атмосферу разрядки, в какой-то мере распространили ее на другие районы земного шара. В самые трудные моменты, когда, казалось, переговоры заходили в тупик, участникам Варшавского Договора не изменяли выдержка, хладнокровие, целеустремленность. Они находили гибкие решения, учитывавшие интересы партнеров по переговорам. Эта последовательность сама по себе вызывает уважение, особенно если сопоставить ее с переменчивостью вашингтонской администрации, необязательной по отношению к партнерам.

Сейчас Соединенные Штаты хотят подорвать дух и суть Заключительного акта общеевропейского совещания, подмять под себя западноевропейские государства и испортить отношения между ними и участниками Варшавского Договора. Но, как подчеркивал Леонид Ильич Брежнев, нельзя поверить, чтобы в Европе нашлись государства, которые пожелали бы бросить плоды разрядки под ноги тем, кто готов их растоптать. И снова, как четверть века назад, организация Варшавского Договора отклоняет военную конфронтацию, которую навязывает Запад. Вместо этого мы и наши союзники предлагаем использовать в интересах сотрудничества предстоящую встречу европейских представителей в Мадриде, предлагаем созвать конференцию по военной разрядке и разоружению в Европе. Словом, в противоположность экстремистской позиции Вашингтона, опять сделавшего ставку на морскую пехоту, авианосцы, ракеты и прочие вооружения, организация Варшавского Договора зовет продолжить переговоры с целью укрепления разрядки и прекращения гонки вооружений.

Хочу закончить эти заметки словами, услышанными от одного из высших польских военачальников. Варшавский Договор, сказал он, в борьбе за мир не выступает просителем. Мы сильны. Но в международных отношениях используем не аргумент силы, а силу аргумента.

СОЛДАТЫ ГОВОРЯТ О МИРЕ

АНКЕТА «РОВЕСНИКА»

ПОЧЕМУ ВЫ ИЗБРАЛИ ВОЕННУЮ ПРОФЕССИЮ?

НА ВОПРОС «РОВЕСНИКА» ОТВЕЧАЮТ СЛУШАТЕЛИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Геннадий ПОЛКОВНИКОВ, майор Советской Армии

Одним из первых декретов Советской власти, подписанных Лениным, был Декрет о мире. В годы интервенции и гражданской войны Красная Армия отстаивала мир для своих соотечественников. Победа Советского Союза над гитлеровской Германией принесла освобождение и мир народам Европы и Азии.

Сейчас обстановка в мире вновь стала напряженной. Администрация Картера в начале нынешнего года развязала шумную антисоветскую истерию, нагнетает напряженность во всем мире.

Вашингтон пытается отбросить человечество к временам «холодной

войны», претендуя на «лидирующую роль в мире». «Достойным» партнером Соединенных Штатов по гегемонизму стало китайское руководство, экспансионизм которого недавно выплеснулся в виде массированной атаки на страны Индокитайского полуострова. В этих условиях наши Вооруженные Силы должны быть в постоянной боевой готовности, чтобы сохранить мир, защитить свой народ, выполнить свой интернациональный долг по отношению к братским и дружественным странам.

Конечно, я с гордостью ношу военную форму и пока не собираюсь менять ее на гражданскую одежду. Я твердо знаю: пока существует империализм, существует и угроза миру, и мое место в рядах его защитников.

Есть такая профессия — защищать Родину. Она перешла ко мне в наследство от отца, который встретил Великую Отечественную войну офицером, участвовал в обороне Москвы, от его дяди — бойца из бригады легендарного полководца гражданской войны Котовского.

В наследство от отца мне досталась не только профессия военного, но — и это я считаю самым главным — убеждения, идеалы, жизненные принципы.

С детства я увлекался литературой о революции, гражданской и Великой Отечественной войнах. Уже будучи курсантом военного училища, я любил встречаться с участниками этих великих событий. И каждый раз не мог без волнения слушать их удивительные рассказы о долге, о смелости, о героизме. Я восхищался ими, хотел быть похожим на них. После училища мне выпала честь служить в Краснознаменном Приволжском военном округе. Там много мест связано с именем Ленина. И у нас в части был девиз: «На родине Ильича служить только на «отлично». Доводилось бывать на Урале, где Советскую власть защищали Чапаев, Фрунзе, Блюхер.

Под влиянием всего этого формировались мое сознание, мои взгляды.

И службу в армии я рассматриваю прежде всего как свой личный вклад в сохранение мира на нашей планете. Это мой долг перед старшим поколением, перед моими детьми.

Иван МИТКОВ, капитан-лейтенант болгарской Народной армии

Работа у нас, политработников, трудная и чрезвычайно ответственная. В современной обстановке эта ответственность постоянно повышается. Армейская молодежь предъявляет к нам большие требования. Политработник должен не просто руководить, он должен иметь моральное право руководить, должен завоевать авторитет своим умением

работать с людьми, своими знаниями. Ведь от нас во многом зависит, воспримут ли солдаты заботу об укреплении мира, традиции боевого братства с армиями стран социалистического содружества как свое личное, кровное дело или будут считать службу в армии повинностью, зафиксированной в конституции. А от их сознания в конечном счете будет зависеть боеспособность наших вооруженных сил, их мощь, готовность в любой момент дать решительный отпор врагу, если он посягнет на наши социалистические завоевания, на мир и спокойствие граждан нашей страны.

Слово «офицер» для меня всегда отождествлялось с такими понятиями, как дисциплина, собранность, настойчивость, смелость. И когда пришло время выбирать профессию, я решил стать военным.

Во многом на мое решение повлияли рассказы отца о минувшей войне. Вместе с советскими войсками под командованием маршала Толбухина он в составе болгарской армии, сформированной осенью 1944 года, участвовал в освобождении Венгрии.

С детских лет запомнились мне две мысли, которые часто высказывал отец. «Земле нужен мир», — говорил он, имея в виду землю в прямом смысле слова. Ведь он был крестьянином, и в понятии «земля» для него заключалось все, что мы понимаем под словом «жизнь». Он считал, что земле, как и людям, знакомы чувство радости и чувство боли. Я помню, даже голос его звучал как-то по-особому, когда он говорил о счастье видеть урожай — этот удивительный результат союза земли и человека. И сколько горечи было в его словах, когда он рассказывал о земле, израненной снарядами, бомбами, о земле, сожженной войной.

И еще отец рассказывал мне о своих фронтовых друзьях, среди которых было много советских солдат, рассказывал о боевом братстве, которое еще в прошлом веке было скреплено кровью болгар и русских у подножия Шипки. В юношеском возрасте я приезжал в Пловдив отдать дань уважения мужеству и братству, поклониться памятнику героям Шипки и «Алеше» — памятнику русскому солдату в Болгарии.

Сохранить мир для земли, которая дает нам жизнь, укреплять узы дружбы и боевого товарищества с Советским Союзом, другими социалистическими странами — такой наказ получил я от отца и всю свою жизнь буду стремиться к тому, чтобы выполнить его.

Золтан КОВАЧ,
капитан венгерской Народной армии

Армия меня привлекала с детства. Еще во время учебы в школе я поступил в клуб парашютистов, занимался там три года. За это время совершил тридцать прыжков с парашютом. Офицеры, которые учили нас, много рассказывали об армии. В городке, где я учился, располагалась военная часть, и мы ходили туда на занятия. Я узнавал все больше и больше об армейской жизни, и мое желание стать офицером крепло день ото дня.

Но когда я решил поступать в военное училище, мама сказала, что возражает против того, чтобы я стал военным. Она вспомнила войну, вспомнила, как тяжело ей было в то время — я должен был через несколько месяцев появиться на свет, а на всей территории Венгрии шли ожесточенные бои. К тому же во время войны ее брат погиб под Сталинградом. Короче говоря, война оставила в ее сердце глубокие раны. А отец сказал: если ты считаешь, что твое место там, иди. Вместе с отцом мы смогли убедить маму в правильности моего выбора.

И все-таки тогда я еще не осознавал в полной мере важность своей будущей профессии. Это пришло позже. Может быть, когда у меня родился сын, а через некоторое

время второй, и я почувствовал себя ответственным за их жизнь, за их будущее, вспомнив рассказы матери о том, какой трагедией была для семьи гибель ее брата. А может, когда пришлось десять лет прослужить в частях — в политотделе полка, затем замполитом батальона и много работать с армейской молодежью. Я думаю, что нашу работу можно считать успешной и эффективной в том случае, если воины возвращаются к гражданской жизни зрелыми в политическом отношении людьми, глубоко убежденными в правоте нашего дела, готовыми в любой момент подняться на защиту родины.

Разрядка, разоружение, которых так ждет человечество, процесс долгий. Ведь сущность империализма не изменилась. Империалистические круги Запада пытаются навязывать народам свою волю, претендуют на право вмешиваться в дела других стран. Яркое свидетельство тому — намерение создать интервенционистский «корпус быстрого реагирования», разместить в странах Западной Европы новое американское ракетно-ядерное оружие средней дальности.

Наша сила в единстве социалистических стран, в нашей крепкой дружбе. Перед отъездом в Москву начальник политотдела армии говорил мне: «Старайтесь как можно глубже изучить опыт советского военного искусства, ближе познакомьтесь с жизнью советских людей, подружитесь с ними». Я следую его советам.

С детства меня и моих сверстников воспитывали в духе отвращения к войне — этому самому страшному для людей бедствию. Мы, военные, должны отдать все свои силы тому, чтобы сохранить мир на земле.

Хартмут БЮХНЕР,
капитан Национальной народной армии ГДР

Германский милитаризм дважды ввергал человечество в мировые войны, которые принесли ужасные потери народам многих стран, в том числе и немецкому народу. Но, несмотря на уроки истории, в Западной Германии есть силы, мечтающие о реванше. Поэтому долг молодежи ГДР — поддерживать оборонную мощь своей республики. Мы вынуждены выделять значительные средства на оборону. За годы существования ГДР против нее уже не раз плелись заговоры.

Другим странам социалистического содружества тоже приходится нести большие расходы по укреплению своих вооруженных сил. Только глупец или недруг может закрывать глаза на то, какую большую нагрузку в борьбе за мир несет Советский Союз. Я убежден, что родина мира в странах социализма.

До учебы в академии я много работал с армейской молодежью и замечал такие настроения: раз достигнута договоренность об ограничении вооружений, значит, все в порядке,

за будущее можно быть спокойным. И действительно, в последние годы были достигнуты большие успехи на пути разрядки напряженности в мире и особенно в Европе. Договоры, заключенные между ГДР и ФРГ, СССР и ФРГ, СССР и США, вселили в людей оптимизм. Однако недавние события опять показали, что сущность империализма не изменилась. Развязанная им в начале этого года антисоветская кампания, агрессивная политика США и Китая в отношении Афганистана — все это

обязывает нас повысить бдительность. Только так мы сможем сохранить мир для наших потомков.

Решая стать военным, я мечтал, чтобы наше поколение стало последним поколением людей, которым необходимо служить в армии. С этой мечтой не хочется расставаться...

Ведь в детстве я любил рисовать, мечтал стать художником. Но стал офицером. Попробую объяснить почему. Когда Гитлер напал на Советский Союз, мой отец был мобилизован и послан на Восточный фронт. В сорок третьем году его взяли в плен. Домой он вернулся новым человеком, другом Советского Союза. Он рассказывал нам, своим сыновьям, как его поколение было обработано фашистской пропагандой, как потом, в плену, у него на многое открылись глаза и как он переосмысливал свою жизнь. Итак, он вернулся, стал рабочим, вступил в партию. Он часто повторял: впредь от немецкой земли никогда не должна исходить опасность войны. Я хорошо запомнил эти слова и, когда подошло время выбирать профессию, решил стать офицером. Я чувствовал, что слова отца — это завет, который я обязан выполнить. Я должен был исправить, искупить ошибку, которую допустили в молодости отец и все его поколение, сделать максимум зависящего лично от меня, чтобы с немецкой земли никогда больше к людям не приходили горе и страдания. Я счел, что лучше всего смогу сделать это, защищая нашу миролюбивую социалистическую республику.

Владимир Нодаски,
старший лейтенант чехословацкой Народной армии

Рядом с деревней, где я родился и рос, во время второй мировой войны шли ожесточенные бои. Отца — ему было тогда восемнадцать лет — призвали в словацкую армию. Это была профашистская армия. Отцу удалось бежать и перейти на сторону советских войск. В одном из боев с немцами отца тяжело ранило. Из госпиталя он вышел только после войны инвалидом и рано ушел на пенсию.

Отец много рассказывал мне о войне, о партизанском движении, о Словацком национальном восстании, о помощи Советского Союза. Сколько людей погибло, защищая для нас мирную жизнь! Я часто задавал себе вопрос: «Какое право имеют одни покушаться на жизнь других, калечить их, делать несчастными их и их близких?» Закончив среднюю школу, я задумался над выбором профессии и решил стать офицером.

И вот что еще определило мой выбор. В старших классах я увлекался историей Чехословакии. Из книг, которые прочел, я узнал, какой нелегкой была ее судьба в прошлом. В семнадцатом веке на нее напали немецкие рыцари, на три столетия она попала в зависимость от них. В 1939 году гитлеровская Германия превратила мою родину в протек-

торат. Чехословакия — страна маленькая, и потому ей необходима сильная армия, необходим союз с братскими странами. Только так мы сможем пресечь любые посягательства на завоевания нашего народа. Яркий пример тому — события 1968 года, когда с помощью наших верных друзей — Советского Союза и других социалистических стран мы не позволили внешним и внутренним врагам столкнуть Чехословакию с избранного народом пути.

У нас, политработников, ответственная работа. Молодые люди, которые сейчас служат в армии, знают о прошлой войне лишь по книгам, кинофильмам, рассказам старших. Это, конечно, огромное счастье. Но наш долг — довести до сознания каждого солдата, какая это непреходящая ценность — мир. Наша задача — объяснить нынешним солдатам необходимость армии для сохранения мира, чтобы не было больше тех утрат, которые довелось пережить людям. Молодежь должна быть готова к тому, чтобы в случае необходимости защитить свой народ, защитить его право на мир.

Здислав ТЭЛЕГА,
старший лейтенант Войска Польского

В четырнадцать лет я впервые увидел Освенцим, потом бывший концлагерь в Треблинке. То, что там было, я никогда не забуду. Газовые камеры, бараки, сторожевые вышки... Все как в рассказах отца, которого в сорок четвертом фашисты бросили в такой же концлагерь недалеко от Кракова. Мне казалось, что я слышу стоны умиравших от голода людей, крики детей, вижу, как дымят печи. Именно тогда я поклялся себе, что главным в моей жизни отныне будет одно: сделать все, чтобы этот ад не повторился. Тогда я еще не знал, как мне выполнить эту клятву. В школу, где я учился, часто приходили представители армии, читали нам лекции, просто рассказывали о военной службе, о долге солдата. Постепенно во мне созрело решение: мое место в армии. До сих пор помню беседу с военкомом, когда я оформлял документы для поступления в военное училище. Военком сказал тогда, что армия — это не только парады, не только красивая форма. Это прежде всего каждодневный тяжелый труд. Но труд этот очень нужен людям, потому что от него зависит мир. И еще он сказал, что армия для людей с сильным характером, для настоящих мужчин. Если учесть, что мне было восемнадцать, сами понимаете, какой это был веский дополнительный довод в пользу моего решения. Я стал курсантом Высшего военного училища инженерно-саперных войск.

Я учился на факультете общественно-политических наук, и само содержание учебы подталкивало к размышлениям о роли армии в социалистическом обществе, о ее задачах, о том огромном доверии, которое оказывает нам, военным, родина, поручив охранять мирный труд граждан, о нашей высокой ответственности перед соотечественниками.

В мире сейчас неспокойно. Империализм создает опасные очаги войны то в одном, то в другом районе земного шара. В одном лагере с империалистами оказалось китайское руководство. Оно развязало агрес-

сию против социалистического Вьетнама, поддерживает самые реакционные и антинародные режимы, пытается внести раскол в национально-освободительное движение.

Все это требует от всех нас повышения бдительности, укрепления вооруженных сил стран социалистического содружества. Особая ответственность ложится на нас, политработников. Ведь нам работать с молодежью, воспитывать смену, которая примет от нас эстафету борьбы за мир.

ДО ВОЙНЫ — ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Нина ЧУГУНОВА

Вот когда мы поняли: до войны мы жили счастливо, обеспеченно и весело. Много песен до войны знали, не знали горя.

«Когда же это было? До войны, до того, как папу призвали, как не стало от него никаких вестей, как пришла в деревню первая похоронная бумага, как налетели самолеты и на станции разбомбило эшелон с эвакуированными; до того, как пошли по сталинградской дороге мимо нашей хаты беженцы, идут, и идут, и идут».

А до того было у нас для счастья все.

«Деревня наша, Красная деревня, была небольшая, состояла из двух порядков. В один порядок личные хаты, а в другой — общественные; правление, клуб, красный флаг над крыльцом

сельсовета. А наша хата была совсем маленькая.

...Потом, когда папа воевал, сколько людей в той хате отогрелось эвакуированных. Машеньку Гук помните с Украины? Ведь она нас потом нашла. Когда с войны ехала санитарка наша. Вспомнила, заехала, и с фикусом. Подарила нам на память фикус и росток олеандра. Олеандр потом зацвел розовыми цветами, вот такая память осталась от Маруси Гук, эвакуированной девушки. Кажется, она была совсем безродная, родню ее поубивало.

...А когда, помните, уже в Эльтоне стали бомбить, весь день зарево стояло за озером. Я вышла на крыльцо, а эвакуированный как выбежит и за шиворот: куда, бомбят! Эвакуированные очень боялись самолетов и этого воя при бомбежке. Наша Нина была на окопах, и мама весь этот день ужасно плакала, думала, что Нину убило. Но Нина вечером вернулась живая».

А до войны страха не знали.

«Эти бомбы, которые разбомбили эшелон, они остались лежать в земле и некоторые не разорвались. После войны прошло уже много времени, когда на неразорвавшейся бомбе подорвались два мальчика. Одного убило насмерть, а другому очень покалечило руки. Потом врачи в Сталинграде придумали что-то вроде рук, чтобы он мог есть, и этот мальчик даже научился рисовать».

А до войны самая большая неприятность для всей деревни была, когда дядька Микола спьяну стрельнул в летевшую над деревней стаю дроф и одна дрофа, раненная, упала и разбилась от тяжести около Легкодимовой хаты. Все осудили Миколу: «Какой же ты дурень, стрелять в мирную птицу без всякой надобности». И птицу похоронили.

Мирная довоенная жизнь Красной деревни, отдаленной от Сталинграда настолько, что бомбили только за озером, на виду, но немца не было, жизнь Красной деревни до войны стала подробной в воспоминаниях послевоенных. Всю войну вспоминали ее добром.

Церкви не было, и считалось, что если бог есть, то, пролетая на пасху в направлении, где церковь имеется, он освятит и так, и ставили куличи на крыши. Зато вот начальная школа и интернат при ней для хуторских, зато в клубе репродуктор, черное ухо (через репродуктор и узнали о войне). В клубе пели со сцены, все были артисты, все выступали в самодеятельности. Замечательно пела, например, Поля Житкова.

А уж если привозили кино!..

(Вечером перед войной привезли кино про войну и про линию Маннергейма. Война была там где-то, и горевали, и сочувствовали, старики-то помнили войну. Так сидели в клубе и грызли тыквенные семечки (тыкву обычно садили вперемежку с кукурузой), и стрекотал аппарат, и метался по лицам отсвет этой вызывавшей гнев и возмущение войны, и запахло дымом чьей-то папиросы, как войной. Тот, что курил, вышел, заскучав или растревожась, покурить в сенях, и на секунду был в дверях белый свет, ослепительный мирный вечер. Фильм кончился при звездах, это была суббота двадцать первого июня.)

А в магазинном ларьке продавались исключительно ценные вещи: сигары «Арктика» с картинкой безжизненной снежной пустыни на твердом качественном картоне, сапоги отличные кирзовые, хорошие шоколадные конфеты. Если дети болели корью, то, конечно, объедались конфетами, потому что такая болезнь, говорили в деревне, проходит от сладкого и шерстяных теплых вещей красного цвета. И красное вино продавалось в ларьке.

Из города выписали гитару!

В село Житкур, где клуб был в церкви, отходили всем колхозом в ликбез.

Собирались жить все лучше и лучше.

Легкодимовой Нине, ставшей барышней, родители купили резиновые боты на высоком каблуке. Только туфель под эти боты не было на высоком каблуке, так что в каблуки набили ваты.

И на летние каникулы Михаил Легкодимов отправил дочек в город. К тетке в город Ленинск: посмотреть другие места, съездить, возможно, в Сталинград, увидеть железную дорогу, фонтан на привокзальной площади Сталинграда со скульптурой играющих детей, большие дома, большую реку, пароход и автомобили.

Человек должен много видеть, ко всему присматриваться и собирать впечатления о жизни!

Дочери и поехали, до войны. Теперь они бежали домой, не прогостив и дня. Ехали на верблюде, на телеге, на всем попутном, махали руками, стоя на обочине грейдера, и шли пешком через пшеничное поле. Хлеб стоял так высоко, что они потерялись в поле. И травы были сильные, и сильно пекло солнце, небо остановилось от жары. На дочерях были довоенные голубые батистовые платья с буфочками, шитые по журналу на швейной ножной машинке «Зингер и К°». Довоенный был у них гостинец — глиняный ведерный горшок. (Хлеб посеянный не успел до войны созреть.)

И так они бежали по довоенной земле, как потерянные, пока на горизонте не стали подниматься и опадать крылья знакомой мельницы. У клуба стояла вся деревня, а у тех, кого провожали, были в солдатских сумках сухари и алюминиевые кружки.

(Что было делать теперь с гитарой? Никто не успел научиться играть на ней, да и песен не знали таких.)

Ушел на войну председатель колхоза. Ушли учетчик, и пастух, и бухгалтер.

Ушел и никогда не вернулся с войны агроном Ваня. И муж Дуси Красильниковой, и Колесников, и Романенко, и Николаев...

Легкодимовых в деревне было много, а Легкодимовых Михаилов Ивановичей двое. Поэтому когда из Житкура привезли повестку и стали выкликать, то встали оба. Но оказалось, что сначала должен был идти тот Легкодимов, что помоложе, шофер. А тот, что постарше, пришел домой ждать свою повестку.

Довоенный передовой сеятель Михаил Легкодимов (двадцать три гектара засевал от зари до зари вместо двадцати положенных, за что был деревней направлен на курсы трактористов, да не прошел, вернулся и принял на себя животноводство — семьдесят коров), рядовой колхозник Михаил Легкодимов принял первый бой под Калачом, последний под Веной, и вернулся живой.

Он не умел воевать. Отец его воевал, и старую японскую прошел, и пропал без вести на первой мировой. Отец ему с японской привез кружку, и теперь солдатская алюминиевая русско-японская кружка болталась у него в вещмешке.

Михаил Легкодимов воевать и не собирался (кто же войны ждет, кто в нее верит?), а собирался поднять жизнь на уровень общими силами (и к тому дело шло, в части животноводства, например, имелось колхозное чудо природы — корова Цыганка),

выучить дочерей и выстроить дом. Перед семьей он держал экзамен в чтении сказки «Снегурочка».

Он остался рядовым: прошел войну как мирный, сугубо довоенный, вынужденный защищать нажитое добро человек (рост — 180; размер противогаза — 3; владение иностранными языками: не владеет).

Под бомбами он побежал, не пригибаясь, потому что «не знавший страха не боится», и кто-то обстрелянный крикнул ему горячо и зло: «Ложись!» — и он упал в распаханную землю, и уткнулся в нее лицом, и ужаснулся, можно представить, ее близости.

Через год ему приснился первый военный сон (а мирные снились всю войну цветные), будто идет он по полю, боя, правда, нет, и тут вот она, его сумка, а в ней отцова кружка. А сумку ведь в жизни срезало с плеча осколком, как бритвой, в первом бою, и некогда было поднимать. Сон был хороший и говорил ясно, что он останется жив и что потерянное ему вернется.

Он и сам знал, что должен остаться жив и вернуть потерянное. А были потеряны глядевшие ему вслед дочери и жена Наталья, и хата, и деревня, в которой закрылся ларек, а в клубе на сцену поднимался районный человек во френче и, глядя в список, выкликал по повесткам, а похоронки приходили тихо и вручались в руки, некого выкликать. Надо было вернуться и зажить по-довоенному, не выезжая дальше Сталинграда, да и то если по колхозным делам.

В бою под Калачом был убит бежавший в бой рядом с ним земляк сталинградский из города Ленинска Рогожкин подносчик мин. Была весна сорок второго, и Рогожкин, думал, что к осени война кончится, «пройдет».

Рядом с танком, с тридцатьчетверкой, и с автоматом наперевес Легкодимов, довоенный колхозник, бежал по Европе. Их десантная танковая бригада была большей частью на прорывах, проламывала фронт, на плечах неся передовую. В одном бою из шестидесяти пяти танков остались три... Потом фотокорреспондент просил «повторить для видимости бой»: прыгать с танков, кричать «ура» или что вздумается и бросать дымовые шашки.

— А ты бы там побывал! — крикнул ему Легкодимов, а корреспондент не обиделся, хотя видел, что этот рядовой не прав. Только как можно было повторить для видимости, а?

(Возвращаясь из госпиталя, он увидел снова и рассмотрел хорошенько это поле, которое почти не видел в дыму и гари ожесточенного боя: был уже почти май сорок пятого. В госпитале ему руку заморозили и, вздев марлю в иголку, стали чистить тяжелую рану.

— Не смотрите, — сказала медсестра, видевшая героев, которые боялись иголки.

И он отвернулся и стал смотреть, что на соседнем операционном столе отнимали руку бывшему бухгалтеру.) Как это можно повторить хотя бы для видимости, для газеты, для кино? Нужно ли это рассказывать дома?

Дома, он знал, войны уже не было. Могло быть голодно. Должно быть, некому сеять и ходить за колхозной скотиной. Но уже мирно. Довоенное они восстановят. Чтобы и памяти не осталось о голоде и горе. Чтобы следа не было.

Венгрия, Румыния, Югославия — Европа, как распаханное поле, лежала перед ним. Что это были за страны, что за жизнь шла в них? Он хотел бы знать подробно, но с боем они опять брали ещё один населенный пункт (Венгрия? Австрия?), и мирное население населенного пункта смотрело на него, живого русского солдата. И в бою было главное — выбить немца из населенного пункта так, чтобы мирное население не пострадало, а населенный пункт не был особо разрушен, главное — теснить и гнать врага и уже не отступать, и не было в бою времени оглядеться, чтобы узнать, было ли все для счастья в довоенном времени этих чужих людей.

К счастью, тишины становилось все больше. В Венгрии он стоял в пустом доме. Только что кончился бой. Он вбежал в дом с автоматом, но бой кончился, и поразительная тишина ожидала его в этом доме... Это была их, венгерская, школа живописи, изящных искусств. Он с автоматом встал на пороге: довоенная тишина как бы лохмотьями висела в доме. Здесь стояли на столах и тумбочках вылепленные из гипса головы людей и в шкафу за стеклом чучела птиц. Птиц он знал, а люди были незнакомы. Он побоялся пройти дальше. Здесь были, конечно, Вольтер с пробитой случайной пулей этой войны головой, и Диадумен, классическая голова для упражнения в рисунке, и Антиной, и Николо да Уциано. В своей жизни он не имел ничего подобного вспомнить и утренний урок рисования не мог представить как в жизни. Он вернулся к войне, уважительно запомнив выражения гипсовых лиц и пыльное молчание сложившихся в складки их ртов. Вот, значит, как у них.

Знакомое он встречал: например, хлеб.

«Хутор, семья, дом мазаный, небогато. Немудряще. Свинья, садик, а топят в летней хате по-черному. Когда у нас по-черному топили? На особой площадке топят, дым уходит в дыру. Ни печки никакой, ни гарнушки. И вот примерно есть чашка. В ней до половины тесто. Похоже, что надо печь. Хозяйка жар счищает, золу подметает и чашку переворачивает, и углями засыпает. Получается каравай.

А в других так. Сделана русская печка на дворе. Топят ее дровами. Натопили и сажают в два ряда четыре хлеба. И вот выходит старший в селе с шарманкой, крутит ее, и все сбегаются, нанесли нам хлебов целую гору. Лучший хлеб ел в Венгрии!»

Он имел право инспектировать эту жизнь во всех подробностях.

«Хорошо родится кукуруза, свекла, картошка. И у них порядок в дорогах. Где хочешь, по полю не поедешь. Правда, не по совести порядок, а потому, что все собственное. Дороги делаются из дерева акации: акация дерево прочное, и, нарубив чурбаков, укладывают их как мостовую. Но, конечно, такая дорога не для танков...»

«У них дома интересные. Дом трехэтажный. На первом кухни, на втором, если господский дом или, скажем так, середняцкий, пианино, диваны, а на самом верху эдакая часовенка, мансардочка, где баре живут с охотничьими собаками».

«Заезжаем в боярский двор. Сам боярин, ясно, живет в городе, а тут управляющий. Попросили у управляющего выделить провизии. Идите, говорит, на скотный двор. Я гляжу: на скотном дворе загорожено и тут же, со скотиной рядом, люди рабочие живут, целая семья. Вот такое дело. Сержант говорит: что же, отнеси ты, Легкодимов, мяса поесть этим рабам его. А рабы перепугались, нет, говорят, мол, он не велит. Да что же это, разве не с советскими людьми вы повстречались? Расстреливать надо господ ваших!»

Расстреливать он бы не смог. Натура не выносила. Лучше бой. Хотя были и такие: «Давай, — говорили, — гада этого, фашистюгу проклятую, проедем танком, чтобы осталось от него мокрое место, как они наших губили, как из госпиталя, ког-

да мы отступали, раненых из окон на дорогу выбрасывали, как мучили в плену...» — «Ты что, разве зверь? Люди ведь разные, да если и он убивал и мучил, ты не мучай, человеком оставайся!»

«...Кабаре — это небольшой ресторан. Мы как комендантский надзор имеем право войти. Тут садишься, закуриваешь, заказываешь черного кофею. А там сценка: девушка с аккордеоном, и две-три девушки поют вприпляску, причем одна критикует нашего солдата и говорит по-русски: «Иван, наливай», — и как бы стопку опрокидывает. Все смеются, хлопают. Итак, девахи поют, все смеются. А стены — от потолка до полу — стекло. Мы разом встали, мешать не могли, но и слушать критику тоже. И пошли прямо в стекло. Стыду-то».

В Югославию пришли на рождество. Шли танковой колонной, маршем. «Фашиста гнали как скотину. По дорогам брошенная техника и гужевой транспорт. Но у меня был полный запас: три диска, автомат и гранат сколько хочешь. Народ югославский угощение подносит прямо к танку. Командир говорит: ребята, кто хочет зайти в гости ненадолго, иди. И я пошел ради интереса, как они живут. Зашли с хозяином, а дети попрятались на печку и оттуда сквозь занавеску глядят. Хозяин смеется. Говорит, знаешь чего боятся? Нам же говорили: русские придут, черти рогатые, пожгут деревни, всех поубивают. Запуганные они были. Сели мы с югославом, выпили друг за друга и за процветание наших деревень».

«Тут недалеко кукурузная ботва. Немцы поубегали в ботву, машины бросили. Машины ехали с рождественскими подарками на передовую: галеты, мармелад, бочонки вина. К вечеру с их передовой идет примерно рота — бросили фронт».

И тут его ранило. Пуля пробила ложу автомата и руку, державшую автомат.

(Госпиталь стоял над Тиссой, прекрасной рекой. Начальник госпиталя был рыжий, здоровущий врач. Ходячим он разрешал ходить к Тиссе. На рынке там торговали семечками. За стакан семечек наш брат ходячий готов был отдать все богатства. Очень хотелось домой. Очень хотелось на фронт, к своим. Ведь мы дружбой держались. «Жуков на подступах к Берлину!» — кричали в палате лежачие и ходячие.)

Но пришлось ему работать в венской комендатуре до ноября сорок пятого. Он осмотрел Вену и остался недоволен американцами: почему они бомбили этот красивый город с большой высоты, чем нанесли большой урон памятникам и домам? Он видел дома, лишенные взрывом стены, и без стены стояли в квартирах кровати и свешивались одеяла, а на столах, наверное, кипели их самовары, потому что жизнь можно начинать не то что без стен, а даже и на пустом месте.

(Он не видел еще Сталинграда, города, который он видел до войны, а после войны растерялся, увидев, и не знал, куда идти. Разбитый фонтан со скульптурой играющих детей.)

Он фотографировался у венского фотографа в ателье, молодой, сорокалетний, свежевыбритый, живой.

Он посмотрел фильм «Тарзан» и, когда потом «Тарзана» привезли в клуб, посмотрел еще раз, хотя фильм ему не понравился совсем. Но он пошел в клуб свой, со своими, чтобы живо вспомнился ему последний год войны в подробностях чужой жизни, по которой он проходил, присматриваясь к ней как инспектор, имея на то право.

Он вернулся домой, и зажил мирно, и дом потом выстроил. Но жить по-довоенному не мог.

Он выстроил дом с палисадом и садом, который весной затопляла вода, и груши, названные именами внуков, стояли в воде по самую крону, а в палисаднике цвела сирень, пока не зачахла от засушливого, со смерчами лета. (Смерчи в степи могут, говорят, с корнем вырывать одинокие деревья, могут шляться по степи, как шагающий взрыв.)

Он жил с тех пор мирно и не делал людям зла, а старался восстанавливать добро в тех случаях, когда, по неразумению людей, случалась несправедливость.

Но жить по-довоенному не мог. И вот чем было плохо это вспоминаемое им время до войны: тем, что оно не могло возвратиться после.

— А помнишь, Михаил, — сказал ему однополчанин, когда они сидели в очереди в поселковой амбулатории и случайно разговорились, узнали, что однополчане, — помнишь ли, как мы брали Балатон?

— Помню, — сказал он, — что это было ночью и были огни, а мы шли танковой колонной и увидели, что по другой дороге противник движет силы навстречу нашим, и мы вернулись, чтобы остановить его. А конница наша брала курортные места.

— А как же ты нашего корпусного командира фамилию не вспомнишь?

Итак, он забывал уже войну как бои, а помнил то, что к боям прямого отношения как будто бы не имело, но представлялось ему примером жестокости войны, разбросавшей людей, как разбрасывает и вырывает с корнем деревья смерч. (Таков характер его памяти.)

...Война только кончилась, и он ехал на велосипеде по чужой стране, чтобы купить цветов. В чужом палисаде росли розы, крепкие, как деревца. Он постучал в калитку и вошел.

«Тут вдруг выбегает хозяйка и кричит. И изо всех домов повыскакивал народ, и кричат все. Эх, думаю, они ведь решили, что если солдат, то, может быть, захватчик, на их добро пришел. Думаю, как объяснить. Думаю, что если они меня убивать соберутся, то диска не хватит, если бы это были фашисты, а то ведь мирное забитое население, и погибну здесь среди цветов, и в чем их винить? Говорю: что орете, граждане. Едва они меня поняли, как посрывали розы и, насобирав охапку, прикрутили к багажнику и смеются и плачут».

Вот ведь как оно с розами было невесело, если все рассказывать.

«Или стою, сменился с поста. Подходит вояка американец, и оказался русский, старинный эмигрант. А лето уже!.. Разговорились с американцем, Он и начал про свою Америку. У нас, говорит, через каждый двор машина, а в каждом мотоцикл. Думаю, чем ему, нерусскому русскому, ответить? Ответил колхозом нашим, чем же еще».

А подробностей тот бы не понял. И если бог дал ему вернуться в Америку, он не отличил, возможно, свое довоенное от послевоенного, сел бы в машину и покатил бы по непыльной дороге. И если, положим, родилась у того русского американца дочь, то не плакала бы через тридцать пять лет, вспомнив, как разбросала война всю нашу деревню и чудом вернулись оставшиеся в живых.

«Да, что же ты плачешь, Маруся, ведь папа вернулся живой».

1945

ОТ ЛЕНИНО ДО ВАРШАВЫ

— А еще меня спрашивают: «Была ли битва под Ленино самым большим сражением в вашей воинской биографии?» — сказал генерал. — А я всегда отвечаю, что это не так уж существенно. Она была главной в моей жизни— вот что совершенно несомненно. И, смею думать, в жизни тысяч моих соотечественников. Наш путь к победе был долгим и трудным. Дивизия начала свой марш к фронту из района Вязьмы. Там мы выгрузились из вагонов, построились в походные колонны и двинулись по Варшавскому шоссе. И от одного этого названия — Варшавское — слезы выступали на глазах. Хорошо запомнился указатель с надписью: «Варшава — 845 километров». Столько нам предстояло пройти. А начало всему — Ленино.

Из сообщения советских газет 8 мая 1943 года. «Советское правительство решило удовлетворить просьбу Союза польских патриотов в СССР о формировании на территории Советского Союза польской дивизии имени Тадеуша Костюшко для совместной с Красной Армией борьбы против немецко-фашистских захватчиков.

Формирование польской дивизии уже началось».

...14 мая 1943 года в деревню Сельцы, в двухстах километрах от Москвы в сторону Рязани, во главе организационной группы прибыл командир будущей дивизии Зигмунд Берлинг. На плацу его встретили 150 солдат, а точнее сказать, будущих солдат. Пока это были исхудавшие, небритые, одетые кто во что горазд беженцы. Тысячами разбросала их война по разным уголкам России. И теперь они стекались в рязанскую деревушку, чтобы здесь стать солдатами.

Писатель и историк, бывший солдат Алойзы Срога написал книгу «Мальчишки из-под Ленино». На титульном ее листе приведены фамилии десяти ребят, которые погибли в том бою. Им было по пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лет. А еще 72 павшим было по восемнадцать. «На какие только хитрости они не шли, — вспоминает Зигмунд Берлинг, — чтобы попасть на фронт, исправляли год рождения в свидетельстве, начинали вдруг для солидности говорить басом, подкладывали в ботинки дополнительные прокладки, чтобы казаться выше ростом. Они так рвались в бой — мальчишки, не успевшие стать мужчинами, но успевшие стать солдатами».

Три месяца отводилось для подготовки дивизии к выступлению на фронт. А ведь среди добровольцев встречались люди, которые не то что не нюхали пороха — винтовки в руках никогда не держали. Особенно остро сказывалась нехватка офицерских кадров. И советское командование принимает решение направить в дивизию советских офицеров польского происхождения.

Удивительная вещь: с кем бы из ветеранов-костюшковцев я ни разговаривал, все они утверждали, что Селецкий сосновый бор, песчаные откосы Оки напоминали им лесистые берега Вислы, родное Мазовше. Может, и вправду сказывалось сходство пейзажей. Но скорее другое: здесь, в Сельцах, они ощущали близость родины, потому что готовились к борьбе за ее свободу. Впоследствии историки скажут: самая короткая дорога к Варшаве начиналась под Рязанью.

Полковник Ян Покшива вспоминал: «Судорога сжала мне горло при виде бело-красного национального флага, развевающегося на ветру... Селецкие лагеря с польским говором, песнями, лозунгами для каждого из нас становились как бы частицей родной страны...»

Из торжественной присяги костюшковцев, принятой 15 июля 1943 года: «Торжественно присягаю польской земле, орошенной кровью, польскому народу, исстрадавшемуся под германским игом, что не запятнаю имени поляка, что буду верно служить родине...

Присягаю хранить союзническую верность Советскому Союзу, который дал мне в руки оружие для борьбы с общим врагом, присягаю хранить братство по оружию с союзной Красной Армией.

Присягаю хранить верность знамени моей дивизии и начертанному на нем девизу наших отцов: «За нашу и вашу свободу...»

Первого сентября части дивизии выехали на фронт. Впереди костюшковцев ждало боевое крещение — битва под Ленино.

— Товарищ генерал, вы не могли бы вспомнить подробности того первого боя дивизии...

— Нашими соседями слева и справа были советские воины из 290-й и 42-й стрелковых дивизий. С тех пор и до конца войны мы воевали плечом к плечу. Советские части были измотаны предшествующими кровопролитными боями, насчитывали лишь половину штатного состава. Так что главная задача в прорыве обороны противника отводилась нам. Наша дивизия была сформирована по штатам гвардейского соединения и насчитывала 12 177 человек. Большинству солдат и офицеров не исполнилось еще и тридцати лет. Нам предстояло прорвать фронт противника на участке в два километра, и мы прорвали его, форсировали болотистую речушку Мерею, взяли высоту 215,5 и продвинулись в глубь гитлеровской обороны, захватив села Ползухи и Трегубово — теперь оно называется Костюшково в память о польских воинах.

Это было незабываемое зрелище. Костюшковцы шли в полный рост как на учениях. А ведь противник обрушил на них лавину огня. Но никто не кланялся пулям.

Советские артиллеристы, поддерживавшие наступление, выскакивали из окопов, бросали в воздух шапки и кричали: «Молодцы! Идут как моряки. Нех жие Польска!» Вскоре после начала атаки меня вызвали на НП к телефону. На проводе был командующий 31-й гвардейской армией генерал Гордов. Он сказал: «Генерал, поздравляю вас с наступлением вашей дивизии. Я долго воюю, но такого наступления давно не видел».

Мужество костюшковцев в бою под Ленино отмечено высокими боевыми наградами Советского правительства. 239 солдат и офицеров получили советские ордена и медали, а двум воинам было присвоено звание Героя Советского Союза — капитану Владиславу Высоцкому и рядовой Анеле Кшивонь.

Я говорю об отваге и мужестве своих земляков, о героях-костюшковцах. Но мы ни на минуту не забывали, что справа и слева так же мужественно бьются советские воины. Вместе с поляками деревню Ползухи штурмовал дивизион лейтенанта Ляхина. Когда выбыли из строя командир артиллерийского расчета и наводчик, у орудия встал сам Ляхин и продолжал командовать огнем. Это оказался его последний бой. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Вместе сражались, вместе погибали, иначе не скажешь.

— Товарищ генерал, у вас много наград и польских и советских. Скажите, какая из них для вас самая памятная?

— Орден Ленина, полученный за тот октябрьский бой. Впрочем, непамятных наград не бывает, как не бывает ран, о которых забывает солдат... Пожалуй, интересна история одной награды, заслуженной мною не на поле битвы. Был сорок третий год. Я жил тогда в Москве, ждал вызова в Ставку, где решался вопрос о создании польских формирований в СССР. Целыми днями просиживал в Ленинской библиотеке, штудировал труды военачальников, прикидывал организационную структуру подразделения, штаты. А вечерами, как каждый москвич, поднимался на крышу дома — обезвреживать зажигательные бомбы, которые сбрасывала на Москву немецкая авиация. Прошло много лет, и я узнал, что награжден медалью «За оборону Москвы». Не забыли...

«Здравствуй, Анеля. Я хочу сегодня рассказать тебе, как мы живем на той земле, на которой ты умерла. Ты не прочтешь эти слова, не услышишь меня. И все же я расскажу. Видела бы ты, Анеля, каким красивым стал наш поселок. А на том месте, где в октябре сорок третьего шли жаркие бои, сейчас стоят памятники...»

Учитель сказал: «Сегодня сочинение на вольную тему». Неправильно, что вольная тема — это значит о чем хочешь. О чем должен. Это точнее. Даже если твоим единственным читателем будет учитель литературы. И старшеклассница из школы белорусского поселка Ленино Нина Куранина стала писать письмо Герою Советского Союза полячке Анеле Кшивонь.

Сочинение Нины сейчас хранится в музее советско-польского боевого содружества, формой своей напоминающего дот. А музей этот стоит на высоте 215,5. На той самой высоте, где приняли первое боевое крещение костюшковцы.

«...Еще вот о чем хочу написать. Недавно я побывала в Польской Народной Республике. Чудесна твоя родина, Анеля. Красивые там города и села, много новых заводов и фабрик. А какие хорошие твои земляки... Нам было так хорошо, что казалось: мы всю жизнь прожили вместе с этими чудесными людьми...»

Беседу с генералом БЕРЛИНГОМ вел Юрий ОРЛИК

Варшава — Ленино — Москва

1980

1944

ВРЕМЯ И ПАМЯТЬ

Андрей **КРУШИНСКИЙ**, соб. корр. «Правды» в Софии — для «Ровесника»

«Мы с товарищами были посланы в разведку на болгарскую территорию, — написал недавно в своем письме болгарскому писателю, главному редактору софийского еженедельника «Поглед» Ясену Антову советский воин-ветеран И. Ф. Исаев. — Пробираемся через заросшую бурьяном нейтральную полосу, перед нами застава. Но пограничники вдруг побросали оружие и с криками «Братушки!» бросились нас обнимать. Вернувшись, мы доложили командованию, что болгары не собираются воевать против нас».

9 сентября в ходе восстания болгарский народ сверг монархо-фашистский режим. Сформированное в Софии правительство Отечественного фронта обратилось к Советскому Союзу с просьбой о перемирии. «Согласно

указанию Верховного Главнокомандования, — вспоминал Г. К. Жуков в своих мемуарах, — в 21 час 9 сентября мы закончили движение войск... Было радостно сознавать, что в этой «войне» не было жертв ни с той, ни с другой стороны. Все эти события явились ярким проявлением освободительной миссии нашей армии».

...Маленький приморский городок Созополь удивительно напоминает Лисс из произведений Александра Грина. Узкие, мощенные булыжником улочки, обсаженные кустами роз. Красные домики под красными черепичными крышами. День 12 сентября 1944 года выдался ясный и солнечный, вспоминают старожилы. И смотрел на ласковое гриновское море сержант Советской Армии с двумя медалями на выцветшей гимнастерке, а вокруг ликовали жители маленького болгарского городка, встречая воинов-освободителей. И сержант тоже радовался вместе с ними.

Ленинградский фронт, Южный, 3-й Украинский... Столько сражений прошел сержант Рублев Иван Иванович, 1908 года рождения, и не брала его пуля. А тут... Солнце, ласковое море, звонкий смех кругом... И надо же было тому мальчишке гранату где-то подобрать. Хотел в море бросить, «салют» устроить. Сорвал чеку, да замешкался, уронил гранату на землю. А у солдат реакция быстрая, в боях отработанная. Метнулся к нему Рублев Иван Иванович, 1908 года рождения...

Много жизней оборвал бы тот взрыв, если бы не прижался к гранате медалями сержант в выцветшей гимнастерке...

Стоит на горе Алеша — одиннадцатиметровая гранитная фигура воина в плащ-палатке, с автоматом в руке, и видно его из любой точки Пловдива — второго по величине болгарского города. Монумент этот воздвигнут в честь Советской Армии, освободившей Болгарию. А в народе называют воина в плащ-палатке Алешей. Кто его так назвал? В честь какого русского парня? Впервые оказавшись в Пловдиве, я тоже задал этот вопрос, который до меня задавали очень многие. Пловдивская газета «Отечествен глас» даже проводила анкету среди читателей. Немало было высказано догадок, но никто не мог дать точного ответа.

А так ли важен ответ? Летит время, а потребность людей оживить память о событиях 35-летней давности не иссякает, вот что важнее. И ложатся на редакционные столы болгарских газет письма с воспоминаниями о тех далеких годах, с просьбами помочь разыскать советских воинов, которые принесли свободу. Идут письма в Советский Союз, приходят ответы в Болгарию. И эта переписка переносится из одного города в другой, вовлекает, соединяет вместе все новых и новых, никогда ранее не знавших друг друга людей.

Года два назад появился в «Правде» небольшой очерк «Я жду тебя, Дмитрий». Его автор, Ясен Антов, поделился воспоминаниями об осени 1944 года. В доме, где он тогда жил, поселился ненадолго советский офицер-артиллерист. Вечерами он рассказывал о том, как воевал, как работал учителем до войны, рассказывал о своей невесте Валентине и научил Ясена петь песню «Темная ночь». Потом он ушел со своей частью дальше, на Запад, а память о нем осталась. «Дмитрий Фурдин принес в наш дом все, что мы раньше только понаслышке знали о советских людях. Оптимизм и здоровье, силу и спокойствие, нежность и простоту»,— написал в своем очерке Антов. И еще написал он о том, как, приехав в Москву, любит бродить по заснеженным улицам. Снег скрипит под ногами, люди торопятся к теплу, а он, Антов, мечтает, что вдруг встретит того офицера-артиллериста...

Наверное, нет в мире другой страны, где в стольких памятниках воспевался бы ратный подвиг русского солдата. После русско-турецкой войны 1877—1878 годов их в Болгарии насчитывалось свыше четырехсот. От скромных обелисков до величавого монумента на Шипке они, по выражению писателя Ивана Вазова, стали «иерусалимами народной признательности». Тропа к ним не зарастала даже в годы фашистской диктатуры. Власти не решались посягнуть на эти символы русско-болгарского братства, несмотря на резкое неудовольствие гитлеровских эмиссаров.

Ответ на очерк Ясена Антова пришел. Правда, не от самого Дмитрия Фурдина — он умер в 1971 году, а от его дочери Наташи. «Мы — моя мама Валентина Ивановна, старший брат Аркадий и я, — писала она,— знаем по рассказам отца, что в вашу семью он попал как в родную. Я очень вам благодарна за память об отце, за то, что он живет в вашем сердце...»

Это письмо, пришедшее в редакцию «Правды», я взял с собой, отправляясь в Болгарию, и при первой же возможности вручил Ясену Антову. А он, оказалось, уже получил в ответ на свой очерк несколько писем из разных концов Советского Союза. И письма продолжали приходить.

Не от тех, кому случалось встречать Дмитрия Фурдина, и не от случайных однофамильцев шли эти послания: «Болгария, писателю Антову». Авторам их не знакомы ни Фурдин, ни Ясен.

Но люди писали, потому что чувствовали, что не могут не откликнуться. «Большой радостью будет для вас, товарищ Антов, если Дмитрий Фурдин отзовется. Если же не случится этого — примите мой отклик, братский отклик русского человека». «Мой прадед Илларион и его брат Михаил участвовали в освобождении Болгарии от османского рабства, а я — в ее освобождении в 1944 году... Помню, как в городе Велико-Тырново наши машины были засыпаны цветами».

Антов рассказал болгарским читателям о письмах из Советского Союза. И сразу же новая цепочка воспоминаний, поисков, встреч. Писатель упомянул советского воина А. П. Чалова из Нальчика. Прочли очерк читатели в Асеновграде и припомнили: среди советских солдат был один по имени Георгий родом как раз из Нальчика. И Чалову идет письмо от асеновградцев с фотографией того солдата, что звали Георгием, и просьбой: помогите его разыскать. К поиску подключается газета «Кабардино-Балкарская правда». Ее номер со статьей «Дай о себе знать, земляк!» попадает в Софию, и корреспондент еженедельника «Поглед» отправляется в Асеновград, чтобы разыскать Кирила Тенева, в доме которого жили солдаты из Нальчика. Журналист нашел его, «дедушку Киро», и написал в «Погледе» о тех далеких годах с новыми подробностями. А почта Ясена Антова продолжает расти...

...Разбросаны по всей Болгарии обелиски русским воинам, поставленные еще в прошлом веке. А рядом с ними монументы советским воинам-освободителям. Возвышается на постаменте в Плевне танк Т-34, первым вошедший в город. Такой же танк-памятник стоит в Силистре. Неподалеку от села Иширкова Силистренского округа возвышается арка — памятник советским летчикам с бомбардировщика, сбитого фашистами осенью 1943 года. Высечено на белом мраморе в городском парке Благоевграда имя советского офицера Ивана Валчука. Он бежал из гитлеровского плена, сражался в партизанском отряде в Пиринских горах и погиб в январе сорок четвертого...

...Когда вглядываешься в спокойное и уверенное лицо пловдивского Алеши, кажется, что тебе становятся знакомы черты и Дмитрия Фурдина, и Ивана Рублева, Георгия из Нальчика, и многих, многих других советских воинов, пришедших сюда, на Балканы, с великой миссией освободителей.

1980

1945

„ПРОВЕРЕНО. МИН НЕТ“

Борислав ПЕЧНИКОВ,
соб. корр. «Комсомольской правды» в Вене — для «Ровесника»

Венские камни до сих пор хранят на себе следы последней войны. Щербатые, с пробоинами стены и начертанные на них по-русски слова «Проверено. Мин нет» и поныне напоминают о жестоких, кровопролитных боях. На открытии памятника советским воинам-освободителям, установленного на центральной площади Вены Шварценбергплатц, в августе 1945 года глава временного австрийского правительства Карл Реннер заявил: «Здесь, у этого священного надгробия, мы благодарим русское государство... за освобождение и великодушную помощь, которая спасла нас во время тяжелой нужды, и клянемся от своего имени и имени грядущих поколений: как прочен гранит этого памятника, так же прочно наше доверие и наша незабываемая благодарность Красной Армии».

Еще не отгремели залпы Великой Отечественной, а Советское правительство 9 апреля 1945 года уже выступило со специальным заявлением по Австрии,

в котором указывалось: «Советское правительство не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории и изменения социального строя Австрии. Советское правительство стоит на точке зрения Московской декларации союзников о независимости Австрии[1]. Оно будет проводить в жизнь эту Декларацию, будет содействовать ликвидации режима немецко-фашистских оккупантов и восстановлению в Австрии демократических порядков и учреждений».

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов вели на окраинах Вены тяжелые бои, но полученный перед решающим штурмом приказ гласил: «Щадить город, стараться сберечь архитектурные ценности, не допускать неоправданных разрушений». Бесноватый фюрер тоже издал приказ: удерживать австрийскую столицу до последнего солдата, а в случае сдачи города превратить его в руины. Ценой невероятных усилий Советская Армия очищала от фашистов квартал за кварталом, улицу за улицей, дом за домом. В коротких передышках между боями наши солдаты вели разминирование зданий, оказывали помощь скрывавшимся в подвалах жителям Вены...

Такелажник с Корнойбургской судоверфи, член Общества австро-советской дружбы (эта верфь является коллективным членом общества) Хайнц Хаккер — очевидец тех событий — рассказывал мне, что перед бегством из города фашисты заминировали гордость Вены — знаменитый собор святого Стефана «Стефансдом». Он рассказал, как в считанные минуты до взрыва советским саперам удалось разминировать этот уникальный памятник.

— Я жил тогда в Швехате, пригороде Вены, — вспоминает Хайнц Хаккер. — Именно отсюда, с северо-востока, появились первые советские танки и солдаты в пилотках с красными звездами. Буквально в тот же день на только что освобожденных улицах под грохот канонады устанавливались походные кухни, и изможденные, изголодавшиеся жители получали от советских солдат горячую пищу.

А вот свидетельство другого очевидца тех событий, одного из освободителей Вены, ныне полковника в отставке Я. Старчевского: «Хорошо помню, как наши войска вошли в предместье австрийской столицы. В центре находилась большая площадь, по одну сторону которой стояла школа, а по другую — церковь. Сзади виднелась крыша огромного барака, обтянутого колючей проволокой. Когда улеглась стрельба, из ям и подвалов стали выходить люди. Сначала они молча смотрели на нас, затем стали приближаться к нашим машинам. Первыми нарушили молчание женщины. Они о чем-то переговорили между собой, затем одна из них воскликнула, показывая на барак: «Там русские. Спасите их!» Солдаты вынесли всех оставшихся в живых узников барака на свежий воздух. Именно вынесли, потому что сами передвигаться те не могли. В бараке томились не только русские, но и военнопленные других союзных армий. Среди них был капитан британского флота, корреспондент газеты «Таймс» Рекс Рэйнолдс. «Военнопленным всех национальностей было здесь нелегко, — сказал Рэйнолдс, — однако те условия, в которых жили мы, можно назвать райскими по сравнению с участью русских. Ваши земляки показали себя стойкими и несгибаемыми борцами. Мои друзья и я восхищены русскими».

13 апреля 1945 года Вена была освобождена окончательно, 8 мая под ударами советских войск пал последний бастион гитлеровского фашизма на австрийской земле — крепость Кройценштайн.

[1] *В 1943 году министры иностранных дел СССР, США и Великобритании подписали на совещании в Москве Декларацию об Австрии, заявив о желании трех держав «видеть восстановленной свободную и независимую Австрию». — Прим. ред.*

...Я сижу в мягком кресле в просторном кабинете, уставленном стеллажами и полками с многочисленными книгами. Рядом со мной расположился седовласый человек с удивительно живыми и молодыми глазами. Сейчас ему уже под восемьдесят, но он по-прежнему верен своей самой гуманной в мире профессии — профессии врача. Беседа заходит об Австрии сорок пятого года. Товарищ Франц Давид, один из старейших австрийских коммунистов, с оружием в руках сражавшийся против гитлеровского фашизма, рассказывает:

— С самых первых дней после освобождения Советское правительство предоставило австрийскому народу и его представителям самостоятельность в создании новых органов власти. Повсеместно бургомистрами избирались популярные среди народа люди, не запятнавшие свое имя сотрудничеством с нацистами. Бургомистром Вены был избран доктор Теодор Кёрнер. Советские офицеры и солдаты помогали местным властям наладить телеграфную, телефонную и почтовую связь, а также восстановить поликлиники, больницы, школы.

Товарищ Давид достал с полки пухлый кожаный скоросшиватель, на котором было написано «Роль Советского Союза в независимости Австрии», и показал мне пожелтевший от времени листок. «Красная Армия, — говорилось в документе, — помогла австрийскому населению в том числе и продуктами питания, поскольку, отступая, гитлеровцы уничтожили все магазины и склады с продовольствием. В течение 1945 года Красная Армия передала только жителям Вены около 50 тысяч тонн зерна и хлеба, 10 тысяч тонн муки, 25 тысяч тонн картофеля, 5 тысяч тонн мяса и других продуктов питания». (На снимке вы видите момент разгрузки продовольствия для Вены.)

— И это в то время, когда Москве и Ленинграду, Киеву и Смоленску, Минску и Донбассу не хватало продовольствия, — добавил товарищ Давид. — Мне вспоминаются слова тогдашнего генерального секретаря австрийской Народной партии Феликса Хурдеса, который никогда не отличался симпатиями по отношению к Советскому Союзу или идеям коммунизма: «Венцы умерли бы от голода, если бы не Красная Армия, многие месяцы помогавшая австрийцам продовольствием, отрывая его от себя».

Товарищ Давид помолчал немного и продолжал:

— Многим фальсификаторам истории необходимо было бы вспомнить слова бывшего президента Австрии Адольфа Шерфа, которые он произнес через два года после освобождения Вены, в тяжелые времена начала «холодной войны»: «Я должен прямо заявить, что никому не должна прийти в голову мысль о недооценке тех жертв, которые принесла Россия ради уничтожения гитлеризма... Австрия особенно не должна никогда забывать, что ее освобождение свершилось только благодаря победоносной Красной Армии...»

...На Шварценбергплатц у памятника советскому воину-освободителю в один из апрельских дней состоялось мое знакомство с коренным венцем Петером Кальтером и с его шумливым, беспокойным внуком. Пока маленький Гого кормил голубей, мы разговорились. Улыбнувшись, господин Кальтер сказал:

— Для нас, жителей Вены, памятник советскому солдату давно уже стал одним из неотъемлемых символов нашего города. Много воды утекло в Дунае, многое в мире переменилось. Ценою крови советских воинов обретено освобождение австрийского народа от фашизма. Мы просто обязаны помнить уроки истории, как бы горьки для нас они ни были.

Шум голубиных крыльев невольно заставил нас оглянуться на малыша, который, весело смеясь, наблюдал за полетом птичьей стаи.

1980

1945

ДОРОГА К ЦИТАДЕЛИ МЕДВЕДЯ

Андрей ИЛЛЕШ

Перед вами документальный рассказ, записанный журналистом через 35 лет после победы со слов капитана запаса, преподавателя МГПИИЯ имени М. Тореза Владимира Галла.

В статье также использованы документы военных лет.

Не было на войне такой штатной должности — парламентер.

Это произошло в неповторимые часы на рубеже войны и мира. Уже развевалось над рейхстагом Знамя Победы, но в пригородах Берлина у фашистов еще оставались крепкие опорные пункты. Один из них — цитадель Шпандау. Ее орудия держали под обстрелом мост через реку Хафель, по которому непрерывным потоком шли на запад наши войска, техника, боеприпасы. Овладеть крепостью необходимо было как можно скорее. И тогда командование приняло решение:

склонить гарнизон к капитуляции, избежать кровопролития...

Ранним утром первого мая два офицера отправились в Шпандау.

...— В крытом кузове нашей МГУ (мощной громкоговорящей установки) мы ехали через западные районы Берлина. День был пасмурный и холодный. В окне развалины в дыму. Я вспомнил вдруг, что несколько лет тому назад в Москве, в Сокольниках, в своем родном институте — ИФЛИ — уже слышал о цитадели Шпандау. На лекции по истории средних веков профессор рассказал, что эту крепость построил в двенадцатом веке герцог Альбрехт. Со своими полчищами он совершал кровавые набеги на славянские племена. На завоеванных землях основал марку Бранденбург. За свой «кроткий» нрав Альбрехт получил прозвище Медведь и с ним вошел в историю.

Мы сразу приступаем к работе: на удобном месте разворачиваем МГУ рупорами в сторону крепости и начинаем: «Солдаты и офицеры! Цитадель окружена со всех сторон. Помощи вам ждать неоткуда. Дальнейшее сопротивление бессмысленно. Крепостные стены не спасут вас от гибели. Единственный выход — капитуляция! Высылайте парламентеров!»

...Обращение передаем в течение часа с небольшими паузами. Во время пауз ждем, когда из леса, отделяющего нас от крепости, появятся парламентеры. Но каждый раз цитадель лениво отвечает залпами легких орудий. Становится ясно, что так мы ничего не добьемся. Тогда нас собирает майор Гришин.

— Кто из вас хочет вместе со мной пойти парламентером? Я возьму только одного добровольца...

Вызываются все. Майор выбирает меня, потому что я лучше других владею немецким. Начинаем готовиться: сдаем товарищам партбилеты и оружие. Майор отдает последние распоряжения офицерам, я привязываю к палке кусок белой материи. С этим белым флагом мы отправляемся в путь. Дорога к цитадели идет через лес. До опушки нас провожают все. А там остаются ждать...

6 октября 42-го, Сталинград

Из письма военного врача Р. своей жене Гизеле в Кассел-Оберцверен.

«...С каким бы удовольствием я показал тебе нашу необъятную страну, и сколько в ней предстоит соорудить! Мы должны построить плотины, дороги, дома, хлевы, сараи. Тогда степь превратится в море хлеба, а из этих несчастных животных в лохмотьях могут получиться даже люди. Жить в это время и в этой стране будет для нас наивысшим счастьем. Как ничтожно было наше существование до 1933 года! Как беден должен быть человек, не услышавший этого зова и не понявший его?! Есть такие люди — они ничего не поняли и ничего не в силах создать».

41-й год

Из приказа оккупационных властей по Смоленской области.

«...все население обязано постоянно носить на шее деревянные бирки с указанием населенного пункта и номером, под которым житель занесен в списки комендатуры».

Мы с майором выходим на большую открытую поляну. Перед нами мрачной глыбой поднимается крепость. Потемневшие от старости стены, башни с зубцами, бойницы, амбразуры — все это напоминает декорации фильма о средневековье. Как и положено рыцарским замкам, цитадель опоясана рвом (правда, без воды), через него перекинут мост (правда, не подъемный). По этому мостику мы и подходим вплотную к огромным крепостным воротам. Над воротами висит гигантский фонарь. Еще выше виден маленький балкон.

Никто нас не окликает, только стволы автоматов смотрят из бойниц темными зрачками. И мы не видим никого, но чувствуем на себе сотни глаз.

Еще по дороге сюда майор поручил мне вести переговоры. Но с кем их вести, если перед нами никого нет?

Неожиданно для самого себя я вдруг кричу в ворота: «Хэлло!» И тотчас сверху раздается голос: «Что вам угодно?» — «Мы хотим поговорить с комендантом цитадели».

Через несколько минут на балконе появляются два немецких офицера. Один из них произносит: «Я комендант цитадели. Я вас слушаю».

Балкон расположен очень высоко. Для разговора нужно запрокинуть голову и напрячь голос. Это неудобно и унизительно. «Советские офицеры не привыкли вести переговоры в таких условиях. Если вы хотите нас выслушать, спускайтесь вниз».

Комендант молча кивает и делает знак рукой. На балкон выходят еще два человека (снизу видно, что это солдаты). Мы видим, как на землю летит веревочная лестница. По ней спускаются комендант и второй офицер.

Представляются: «Комендант цитадели профессор-полковник Юнг». «Заместитель коменданта подполковник...» — Фамилию он произносит неразборчиво. Оба вскидывают правую руку в приветствии... Мы прикладываем руки к козырькам фуражек и представляемся.

Переговоры длятся недолго. Мы кратко рассказываем о положении на фронте (наши войска уже под Бранденбургом), разъясняем всю бессмысленность дальнейшего сопротивления (помощи ждать неоткуда), излагаем условия капитуляции (сохранение жизни, медицинская помощь больным и раненым, питание...).

Комендант и его заместитель отходят в сторону и тихо, вполголоса совещаются. Мы теперь можем подробнее рассмотреть их. Полковник пожилой, почти старик. Худое, морщинистое лицо. Дряблая шея торчит из просторной шинели. Все это как-то не гармонирует с серебристыми «кренделями» полковничьих погон. Видно, что Юнг не кадровый военный.

Подполковник несколько моложе. Шинель плотно облегает его коренастую, массивную фигуру. На полных глянцевых щеках румянец. Живые темно-карие глаза внимательно оглядывают все, что попадает в поле зрения.

Оба офицера подходят к нам. Полковник хмурится... «Я согласился бы капитулировать на условиях, предложенных вашим командованием. Но имеется приказ фюрера: если комендант осажденной крепости или командир окруженного соединения самовольно капитулирует, то любой подчиненный ему офицер может и должен его расстрелять и возглавить оборону. Поэтому мое единоличное решение о капитуляции не принесло бы пользы ни вам, ни мне. — Он горько усмехнулся. — Предлагаю, чтобы мой заместитель поднялся наверх, сообщил всем офицерам цитадели ваши условия и возвратился сюда с их решением...»

Мы уже знали из передач немецкого радио об этом приказе Гитлера. Фюрер издал его после капитуляции Кенигсбергской крепости в надежде запугать своих военачальников и связать всех круговой порукой страха.

Мы соглашаемся с предложением старого полковника.

Подполковник карабкается по лестнице вверх, к балкону. Остаемся втроем. Говорить уже не о чем...

Из дневника гвардии капитана Владимира Иванова. Август 1945-го, район Татабанья, Венгрия:

«...Задержались с возвращением в часть: наша полуторка совсем «дошла». Принялись ее латать у какой-то деревушки. Солдаты разбрелись. Вдруг тащат увесистый ящик. «Капитан, — говорят, — радуйся, мыло достали, зеленое, должно, банное. Ты по-ихнему понимаешь, почитай, что там написано». Ровнехонько нарезанные прямоугольнички. «Мыло» — написано, а еще цифры и непонятные крестики.

Уже в городке у местных общественных организаций поинтересовались, что за мыло нашли.

....Схоронили эти прямоугольники, как полагается, салют из ружей произвели. Оказалось, мыло из людей было сварено».

Автору дневника в те дни исполнился двадцать один год.

Так удастся ли нам выполнить задание — склонить цитадель к капитуляции? На этот вопрос может ответить только подполковник. Вот он уже спускается по веревочной лестнице. Подходит к своему начальству и что-то шепотом докладывает ему. Выслушав донесение, Юнг обращается к нам: «Как я и предполагал, офицеры отказываются капитулировать. Они хотят выполнить свой долг...»

Неужели это конец переговоров? Неужели нельзя сделать еще что-нибудь?

«Господин полковник! Мы решили сами подняться в крепость и поговорить с вашими офицерами».

Юнг думает, что ослышался, и недоверчиво переспрашивает. Мы повторяем. Полковник нерешительно пожимает плечами и указывает рукой на лестницу, как бы давая понять, что он не может гарантировать нам жизнь и безопасность.

Первым вверх карабкается Юнг (как «хозяин дома»), за ним майор Гришин, третьим я. Замыкает группу подполковник. Наконец добираемся до балкона. Попадаем в узкую и длинную комнату. Здесь полутемно, окон нет, солнечный свет проникает только через балконную дверь. Когда глаза немного привыкают к темноте, различаем группу офицеров. Мы инстинктивно занимаем наиболее удобную для обороны позицию: у самой стены, плечом к плечу. (Конечно, это тщетная предосторожность: если бы немцы захотели что-нибудь сделать с нами, то не помогла бы никакая позиция.)

Обращаемся к офицерам. Говорим, что сопротивление бессмысленно, война все равно уже скоро кончится. Конечно, мы еще не знаем (да и не можем знать!), что ровно через неделю, 8 мая, в противоположном восточном пригороде Берлина — Карлсхорсте будет подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. Но и нам и фашистам ясно: это произойдет скоро. От имени советского командования предлагаем им капитулировать. Они слушают молча...

Все. Мы закончили. Ждем их решения.

Офицеры резко спорят. Наконец полковник выходит вперед. «Господа русские офицеры! Мы, немцы, умеем ценить истинное мужество и восхищаемся вашим благородным поступком: вы не побоялись подняться в цитадель, чтобы предотвратить кровопролитие. — При этих словах он патетически и несколько театрально склоняет голову. — Но мы не можем сейчас капитулировать. Каждый солдат должен выполнить свой долг перед фюрером и родиной до конца. Однако у нас есть контрпредложение. Вы только что очень красноречиво и убедительно (легкая усмешка трогает его губы) доказали нам, что война скоро кончится. Я даю вам слово немецкого офицера, что в эти немногие дни, оставшиеся до ее конца, цитадель не произведет ни одного выстрела по мосту, не причинит русским войскам никакого вреда. Но и они пусть ничего не предпринимают против нас. А когда наше верховное командование издаст приказ о всеобщей капитуляции, мы сдадимся в плен. Таким образом, мы и выполним свой долг, и избежим кровопролития...»

На первый взгляд это компромиссное предложение кажется убедительным. Но только на первый взгляд! Наступает наш черед говорить.

Это не словесная дуэль, это тоже бой. Он бескровен, но от его исхода зависит жизнь солдат.

«Господа офицеры! Ваше предложение внешне выглядит разумным, но советское командование не может его принять. Война не детская игра, где честное слово можно не только дать, но и сдержать. Ничье честное слово не является надежной гарантией от обстрела моста вашей артиллерией. Поэтому советские войска будут вынуждены брать цитадель штурмом. И они возьмут ее, можете не сомневаться.

Если ваши парламентеры не придут к нашему переднему окопу с сообщением о капитуляции к пятнадцати ноль-ноль, то мы начнем штурм, и вся тяжкая ответственность за бесцельно пролитую кровь падет на вас!»

Из письма военному врачу Р. в Сталинград.
3 ноября 42-го, Гармишпаркенкирхен:

«Дорогой доктор! Снова по радио особо говорилось об одной дивизии, и я уверена, что это твоя! Вы настоящие парни! Мы до сих пор находимся под впечатлением речи фюрера! Опять он все сказал так правильно и был в великолепной форме! И Сталинград падет, и я желаю вам тогда немного отдохнуть.

Как хорошо у нас здесь, в средней Германии! Так много матерей из Бремена. Они могут говорить лишь об одном: месть Англии за все то, что им пришлось пережить.

Думаю о вас беспрестанно. Твоя тетя Шустер».
16 ноября 42-го, Сталинград

В комнате воцаряется гробовая тишина. Мы поворачиваемся и идем к балкону. Начинаем спускаться по веревочной лестнице. Опускаемся на землю и идем к чернеющему невдалеке лесу. В голове тревожные мысли: немцы нас не тронули, пока надеялись договориться, но теперь, когда мы отклонили их предложение и у них нет больше надежд на компромисс, какой-нибудь фанатик может послать нам в спину очередь из автомата. Невольно хочется ускорить шаги, но мы сдерживаем себя и идем медленно...

Из письма военного врача Р. своей жене Гизеле в Кассел-Оберцверен:

«Внимание! 15.II. отправил посылку № 38 с двумя кусками мыла для Эргарта, № 5 с объективом для «Лейки», № 39 с конфетами для ребят, № 70 с водяными весами для меня. В посылке № 41 две банки сардин, в № 42 одна банка сардин и почти полплитки шоколада.

Вчера вечером я был приглашен на курочку с картошкой и с соусом, после подали отвратительный пудинг, который сегодня ночью заставил меня изрядно побегать. Вчера я навестил наши передовые части, разместившиеся в глубоких подвалах разбитой фабрики...

...Рождение новой свободной Германии очень тяжело, но все нам удастся, так как не удаться не может. Иной исход войны был бы настолько чудовищен, что об этом и подумать страшно...»

В 2 часа дня майор посылает меня к переднему окопу, где назначена встреча.

Смотрю на часы. Без одной минуты три. Приказываю солдатам оставаться на месте, выбираюсь из окопа и вижу две приближающиеся фигуры с белым флагом. Ровно в три часа в нескольких шагах от меня останавливаются Юнг и подполковник. «Господин капитан! Мы пришли сообщить наше решение...» — От волнения голос полковника звучит хрипло. «Слушаю вас, господа офицеры!..» — Все у меня внутри напряглось от ожидания. «Цитадель... — голос Юнга дрогнул, как будто у него перехватило дыхание, — капитулирует».

Ликующее чувство охватывает меня, но я стараюсь говорить невозмутимо, будто выслушивать сообщения о капитуляции вражеских крепостей для меня самое обыденное дело: «Поговорим о деталях сдачи...»

Через несколько часов мы с майором Гришиным входим в цитадель, но уже не через балкон, а через разбаррикадированные ворота. В огромном дворе строятся в колонны вражеские солдаты и офицеры. Наши автоматчики уводят их из крепости к сборным пунктам для военнопленных.

Во дворе много женщин и детей, стариков. Запуганные геббельсовской пропагандой, они надеялись в стенах крепости укрыться от «нашествия русских варваров». Теперь на их лицах страх и смятение. Что их ждет впереди? Конечно, Сибирь?..

Громко через рупор объявляем:

«Гражданское население может покинуть крепость и отправиться по домам!»

О МУЗЫКЕ — И НЕ ТОЛЬКО

Названия ансамблей, о которых мы рассказываем здесь по просьбе читателей, не встретить в английских хит-парадах, хотя «штаб-квартира» обоих ансамблей находится в Лондоне. Одному из них хит-парадовая слава попросту не нужна; второй и желал бы, да...

ДЫМ БЕЗ ОГНЯ

Перекопал гору английской музыкальной прессы за последние пять лет, и мне не удалось найти ни единого слова об английском ансамбле «Смоки». Такое впечатление, что его вообще не существует на свете...

Странная ситуация эта объясняется довольно просто: для английского слушателя «Смоки» действительно вроде бы и не существует. (Менеджер группы Иан Райт даже как-то пожаловался: «Сколько лет пытаемся создать «Смоки» репутацию серьезной группы! Все напрасно. Английская публика не хочет принимать ее всерьез!») Музыкальные вкусы англичан и поклонников рок-музыки с континента довольно резко отличаются. В маленькой заметке вряд ли возможно объяснить причины этих различий, но вспомним, к примеру, что и «Битлз», не добившись на первых порах успеха на родине, уехали в Гамбург, и там практически началась их слава. Руководитель «Смоки» Крис Норман говорит сейчас, что «Битлз» просто повезло — им встретился такой человек, как менеджер Брайан Эпстайн. Но будем объективны: везение везением, а талант ведь тоже кое-что значит... Тем более что и менеджер, и продюсер, и музыкальный директор «Смоки» — далеко не новички в своем деле.

История «Смоки» начиналась так: ансамбль возник в 1970 году и был долгое время никому не известен под именем «Кайнднис», пока делателям «боевиков» Никки Чинну и Майку Чэпмену (в числе их клиентов были Сузи Куатро, группы «Свит» и «Мэд») не потребовалось взбодрить рынок. Как заявили Чинн—Чэпмен, им «нужна была группа, пластинки которой продавались бы так же, как у «Лед Зеппелин» и «Бэд Компани». Тут им и попалась на глаза «Кайнднис».

Чинн—Чэпмен начали с того, что изменили «несчастливое» название на «Смоки». Оба обязались поставлять «Смоки» хиты, пока группа дозреет до сочинения собственных композиций. В группу, состав которой не изменился до сих пор, входили: Крис Норман — вокал, ритм-гитара; Алан Силсон — гитара-соло, вокал; Пит Спенсер — ударные, вокал; Терри Аттли — гитара-бас, вокал.

Но дела обстояли далеко не блестяще. В январе 1975 года Чинн и Чэпмен с помпой объявили о начале «новой эры в роке» — выходе альбома «Смоки» «Обойди кругом». Однако «события» этого никто не заметил, и «Смоки» очутились в такой же ситуации, что и другие ансамбли из мануфактуры Чинна—Чэпмена: стали коммерческим близнецом популярной группы «Бэд Компани», ансамблем, абсолютно лишенным собственного лица.

«Если бы мы имели возможность выбора, — жаловался Крис Норман, — то записывали бы прежде всего песни собственного сочинения. Однако все решает фирма грамзаписи, которая отдает предпочтение Чинну и Чэпмену: не всякий решится записывать пластинки, которым не гарантирован успех». Участники ансамбля, пусть не очень талантливые, но вполне профессиональные и, главное, искренне преданные своему делу люди, говорят: «Нам вовсе не хочется, чтобы нас сравнивали с великими. Ведь и честная, кропотливая работа заслуживает уважения. А мы работаем уже почти десять лет».

Трудно сказать, приняла бы английская публика ансамбль «Смоки», исполняй он только вещи собственного сочинения, но, возможно, некоторое своеобразие у него бы появилось. А пока «Смоки» по-прежнему знамениты тем, что очень похожи на десяток других знаменитых групп. И только.

С. ВОЛОХОНСКИЙ

«ЧЕРНОЕ — ЭТО НЕ ГРЯЗНОЕ»

Когда руководителя группы «Осибиса» Тедди Осеи спросили, огорчает ли его, что пластинки «Осибисы» не появляются в хит-парадах, он ответил: «Во-первых, это не совсем так: например, пластинка с нашей музыкой к голливудскому фильму «Супервзрывоопасный тротил», альбом «Войяя», наши синглы занимали высокие места в хит-парадах

США и Великобритании. Во-вторых, для нас неважно, како- место мы займем. Главное, чтобы пластинки наши все же продавались, а на концерты наши ходила публика. Главное для нас — стабильный доход».

Пусть вас не смущает столь явно высказанная меркантильность Тедди Осеи: тому есть объяснение. Но начнем по порядку.

«Одна из самых известных в мире африканских групп, «Осибиса», возникла в 1970 году», — сообщают справочники по рок-музыке. Это неточно. Тедди Осеи основал свою первую группу (тогда она

называлась «Кометы») в начале 60-х годов. Она играла в Гане африканскую музыку осиби, которая родилась тысячи лет назад. Затем Тедди Осеи уезжает в Великобританию учиться (он был стипендиатом лондонского «Колледж оф мьюзик»). Там он знакомится с ударником Солом Амарфио. Амарфио, Осеи и его брат, трубач Мак Тонто, создают новую группу. Именно она и стала основой «Осибисы». Сейчас в ансамбле шестеро музыкантов из пяти стран — Ганы, Нигерии, Тринидада, Гренады и Антигуа. Каждый принес с собой что-то свое, национальное. Получилась странная, удивительная музыка, которая пользуется успехом и в Африке, и в Америке, и в Европе.

Залог успеха «Осибисы» не только в великолепном музыкальном звучании ансамбля, но и в той идее, которую они несут слушателям. В своей «программной» песне «Осибиса» поет: «Я не могу не любить тебя, человек! Пусть ты черный, или белый, или желтый, даже если ты будешь зеленым, я буду любить тебя. Я не могу не любить тебя, человек! Мир огромен, в нем хватит места для всех, будем жить в этом мире и петь песни, зачем воевать, если для всех есть место?» (Пластинки «Осибисы» выходят под девизом «Черное — это не грязное».)

Некоторое время «Осибиса» находилась «под крылом» фирмы грамзаписи Эм-Си-Эй, но сейчас основала собственное предприятие: так они вольнее могут распоряжаться своими доходами.

А вопрос о доходах — вернемся к началу разговора — важен вот почему: большую их часть «Осибиса» перечисляет в стипендиальный фонд имени Патриса Лумумбы. На эти деньги африканские студенты учатся в разных странах мира.

М. АНДРЕЕВ

ДЕТИ ГЕРЦОГА

Рассказ

ФРЭНК О'КОННОР,
ирландский писатель

Я дожил до зрелого возраста, но по сей день не могу понять: почему считается, что в романах слишком много вымысла? Даже сейчас я безо всякого удивления читаю о каком-нибудь таинственном оборвыше, который вырос среди нищеты и мерзости в лавке старьевщика, а потом оказался пропавшим наследником богатого графа. По-моему, тут нет ничего сверхъестественного...

Я всегда был маминым любимцем и в детстве жил довольно безмятежно, все принимал за чистую монету и ни о чем особенно не задумывался. Поэтому истина о моем собственном происхождении открылась мне довольно поздно. Да, я в то время уже работал посыльным на железной дороге. Конечно, эта мысль возникала у меня раньше, как и десятки других, но все другие в один прекрасный день улетучились, и мне стало ясно — я не имею ничего общего с двумя простолюдинами, с которыми так странно переплелась моя судьба.

У меня вызывала отвращение не бедность родителей (хотя приятного тут было мало), даже не крошечный наш домик на тесной улочке с садиком в квадратный метр, с прогнившими культями воротных столбов и низким забором без перекладины. Меня угнетало другое — их безмерная простота, свары из-за денег, вульгарные друзья, бестолковые разговоры. Утонченности в родителях не было ни на грош — это бросалось в глаза. Казалось, они родились калеками и никогда не умели ходить, бегать или танцевать. Я был всего-навсего посыльный — по крайней мере пока, но в долгие минуты озарения мне открывалось, кто я на самом деле, и тогда я смотрел на себя как бы со стороны — вот я возвращаюсь домой после рабочего дня, походка неспешная, размеренная, я неторопливо киваю соседу и приподнимаю над головой фуражку с изяществом и грацией, которые передались мне по наследству сквозь века. Мое истинное «я» заявляло о себе не только так — иногда я слышал внутренний голос, и он предвосхищал и диктовал каждое мое движение, словно читал отрывок из какой-то книги: «Он изящным жестом приподнял фуражку, а на лице его появилась задумчивая улыбка».

И тут-то, повернув за угол, у наших ворот я видел отца — обшарпанные домашние брюки и жилет, старая кепчонка надвинута на глаза, ботинки изрезаны наподобие сандалий — «шлепанцы», как он любил их величать. Отец был рабом своих привычек. Только придет с работы, переоденется и сразу цап вечернюю газету. А если мальчишки-газетчика пять минут нет, отец начинает бормотать: «Куда запропастился этот шалопай?» — и выползает на улицу посмотреть, не идет ли. Когда малый наконец появится, отец хватает у него газету из рук и почти бегом домой, на ходу напяливает очки на нос и, довольный, проглядывает заголовки, предвкушая удовольствие.

И все вокруг сразу становится черным. Я беру стул, сажусь возле открытой задней двери, отец сидит в другом конце комнаты и, впялившись в газету, издает то радостные, то гневные восклицания, а мама взволнованно спрашивает меня, как прошел день. Я только бурчу в ответ. Что я ей скажу? Что на работе все такое же обыденное, как дома? И есть только одна отрада — минуты ослепительного озарения, когда я бреду по сортировочной станции между шпал и грузовиков, а весеннее утреннее солнце обжигает утесы над тоннелем, бреду и вдруг понимаю: это не навсегда, на самом деле я сын герцога или графа, меня похитили из родного гнезда, потеряли или я сам заблудился, но меня найдут, и все встанет на свои места. Во время работы озарение не

приходило, нет, обычно после нее, когда я шел через сортировочную станцию, болтался в здании вокзала у книжного киоска или смотрел, как отходит пассажирский поезд в Квинстаун или Дублин, — однажды, говорил я себе, такой поезд отвезет меня к моей настоящей семье, в родовое имение.

Отец не мог ни минуты просто сидеть и думать о чем-нибудь своем. Тишина доводила его до бешенства. Он был человек разговорчивый, и любое пустячное событие давало ему повод для бурного спектакля. Казалось, он только и делал, что встречал старых армейских друзей — пятнадцать лет не виделись! — и всегда с ними происходили какие-то поразительные перемены. Стоило зайти его старому другу, да что другу — соседке с другой стороны улицы заглянуть на чашку чая, он все бросал, даже газету, и пускался в разговоры. Разыгрывать спектакль в своем уголке у окна отцу было несподручно, поэтому он начинал топать взад-вперед по кухоньке, останавливался у задней двери и глазел на небо или у входной — посмотреть, кто там проходит по улице. Он терпеть не мог, когда в разгар этого рысканья я поднимался, брал кепку и тихонько выходил. И уж совсем ему было не по нутру, если он с кем-нибудь разговаривал, а я в это время читал, спросят меня о чем-то, а я с отсутствующим видом поднимаю глаза от книги. Ему, видите ли, это казалось оскорбительным — до чего неотесанный мужлан! Да, герцогской крови у него не было. И внутренний голос никогда не диктовал ему движения и слова, как мне: «Мальчик медленно опустил книгу и с удивлением посмотрел на человека, считавшегося его отцом».

Как-то вечером я возвращался с работы, и меня остановила девчонка. Это была Нэнси Хардинг, я немного знал ее старшего брата. Но с ней никогда раньше не разговаривал — мне вообще разговаривать с девчонками доводилось не часто. Слишком я смущался — пиджак у меня был еще куда ни шло, но выцветшие синие брюки с огромной заплатой на заду перешивали из отцовских. Нэнси появилась из дома возле каменоломни, окликнула меня, словно мы сто лет знакомы, и пошла рядом. Живая, взбалмошная, черноволосая, со стройной фигурой, а начала щебетать, сразу ошарашила меня и покорила. Но держался я степенно, говорил весомо.

— Я от Мадж Риган, ответы на задачки у нее списала, — объяснила она. — Не решаются эти задачки, хоть лопни, прямо не знаю, в чем дело! А ты откуда?

— Я иду с работы.

— С работы? — воскликнула она удивленно. — Так поздно?

— Я работаю с восьми до семи, — скромно заметил я.

— Господи, жуть как много! — поразилась она.

— Это временно, — небрежно пояснил я. — Долго на них спину гнуть не собираюсь.

Нэнси остановилась. Странно, люди всегда назначают свидания у фонарей, будь то вечер или день. Фонари... Здесь мы играли, когда были карапузами, сюда собирались поболтать, когда стали постарше. Вдруг в моей голове зазвучали слова, но впервые они относились не ко мне лично: «Ей показалась приятной его мягкая манера говорить, его культурная речь, и она подумала: «Неужели он и вправду сын Делани?» До сих пор мой внутренний голос к другим людям интереса не проявлял, и вот поди ж ты... Мне не терпелось испытать это ощущение еще раз — ведь оно сулило новые открытия.

Ждать пришлось недолго, по дороге с работы я снова столкнулся с Нэнси, так было несколько раз. Я был не очень-то наблюдательный и лишь много лет спустя допер: ведь она, должно быть, специально подкарауливала меня. Однажды вечером мы стояли под нашим любимым фонарем, и я нахваливал какую-то книгу, да, видно, перестарался — Нэнси попросила ее почитать. Ее внима-

Рис. Б. САМСОНАДЗЕ

ние было мне приятно, но я тут же встревожился, ведь она увидит, где я живу.

— Захвачу ее с собой завтра, — пообещал я.

— Да ну, завтра, давай прямо сейчас, — вкрадчиво запела она, а я глянул через плечо и увидел отца, он стоял у ворот и, склонив голову, вслушивался, не несут ли газету. Внутри у меня все оборвалось. Такой пай-девочке знакомство с моим отцом вряд ли будет по вкусу, но что делать, придется их познакомить, иначе как я возьму книгу? Мы вместе пошли по нашей кривой улочке.

— Это Нэнси Хардинг, па, — бросил я небрежно. — Я хочу дать ей книжку.

— Заходи, милая, заходи, — пригласил отец, дружелюбно улыбаясь. — Присядь, чего ждать стоя? — Из-за своей общительности отец едва не забыл о газетчике. — Мин! — крикнул он маму. — Не пропусти газету! — А сам поставил стул посреди кухни. Я копошился в гостиной, безуспешно разыскивая книгу, — вот невезенье! — и слышал, как мама вышла встретить газетчика, а отец до одури заговаривает Нэнси; наконец я вернулся в кухню, конечно, нетронутая газета лежит на столе рядом с отцом, сам он уселся в свое любимое кресло и рассказывает бесконечную дурацкую историю, которая случилась в нашем квартале много лет назад. Нэнси слушала внимательно, и отец воодушевился, такой спектакль закатил, как никогда, а я молча стоял у кухонной двери с видом патриция и презрительно кривил губы, отец заметил меня лишь через несколько минут. Потом я вышел проводить Нэнси, думал, сгорю от стыда и унижения. По стенам в прихожей сочится влага, а что у нас за ворота? Цемент осыпался, стоят два инвалида из кирпича. А улочка, которую и муниципалитет-то не признает? Вся увешана бельем. Живут у нас тут две прачки, у каждой своя веревка.

Но, оказалось, это еще не самое худшее. Как-то вечером прихожу домой, а мама мне радостно заявляет:

— Знаешь, кого отец встретил по дороге с работы? Эту твою знакомую, Нэнси Хардинг.

— Правда? — спросил я безразлично, хотя меня будто стукнули кулаком под дых.

— Ну скажу я тебе! — воскликнул отец, опустил на секунду газету и радостно загудел: — Такая болтушка! Стрекочет, как пулемет! Кстати, — добавил он, глядя на меня поверх очков, — ее тетя Лил и твоя мама были в свое время близкими подругами. И ее мать, Клэнси, я тоже помню. Лицо-то ее мне сразу знакомым показалось.

— А по-моему, ничего похожего, — строго возразила мама. — Мисс Клэнси всегда была тихая, спокойная.

Я был подавлен. Мало того, что я сам не видел Нэнси, так она еще встретилась с отцом, когда он в грязной рабочей одежде тащился из Глена со своей навозной фабрики, и, можно не сомневаться, наплел ей насчет меня такого, что уши завянут. Да, это уж слишком. Разве сравнишь отца с мистером Хардингом, я иногда встречал его после работы и относился к нему с уважением, если не сказать — поклонением. Невысокий такой человек, лицо похоже на сжатый кулак, одет всегда очень аккуратно и, быстро шагая домой, хлопает себя по бедру свернутой в трубочку газетой.

Как-то вечером я робко взглянул на него, и он энергично кивнул мне. Весь он был какой-то энергичный, быстрый, по-военному подтянутый. Вижу, узнал меня, я и заспешил рядом. Прямо не человек, а военный парад с духовым оркестром — сразу начинаешь шагать с ним в ногу.

— Где ты сейчас работаешь? — быстро спросил он, искоса глядя на меня.

— Да все еще на станции, — ответил я. — Последние месяцы дорабатываю.

— И что там делаешь?

— Помогаю в конторе, — слукавил я, как обычно. Сказать, что я просто-напросто посыльный — это было выше моих сил. — Ну а в свободное время учусь, — поспешно добавил я. Удивительное дело, я зашагал быстрее, и фантазия моя тоже полетела на крыльях. Стремительность этого человека передалась мне, и меня понесло. — Наверное, буду сдавать экзамены, чтобы отправили на государственную службу в Индию или куда-нибудь в этом роде. Торчать на железной дороге — дело гиблое.

— Это почему же? — спросил он.

— У нее никакого будущего, — безразлично объяснил я. — Еще несколько лет — и все заполонят грузовики. Так что я на этой работе человек временный. Работать постоянно пойду только туда, где есть поездки. В другие страны. Видите ли, вообще-то я увлекаюсь иностранными языками.

— Вот как? — спросил он тем же тоном. — И много языков ты знаешь?

— Ну пока только французский и немецкий, для начала можно и ими обойтись. — Меня несло все дальше. А вдруг я произвожу плохое впечатление? Ведь настоящий лингвист, он, наверное, знает с десяток языков? Надо спасать положение. — Если будет время, зимой сяду за итальянский и испанский. Сейчас без испанского никак не обойтись. Ведь по числу говорящих он на втором месте после английского.

— Ясно, ясно, — кивнул он.

Не скажу, что этим разговором я остался очень доволен. Как только мы разошлись, я замедлил шаг и тут же понял: попутный ветер занес меня слишком далеко. Иностранных языков я не знал — так, отдельные слова и фразы, словно отзвуки мечты о моем несостоявшемся детстве, когда-то я зазубрил их и повторял про себя с непонятным, смутным удовольствием. Эх, совсем это было неразумно — заявлять, что языки я знаю хорошо. Ведь у мистера Хардинга три дочки, все образованные. В доме у них всегда гости, и я даже возлелеял надежду, что как-нибудь пригласят и меня. Теперь-то, может, и пригласят, как же, я ведь знаю иностранные языки, но, когда Нэнси или одна из ее сестер начнут бегло сыпать по-французски или по-немецки, с моими стихотворными строчками меня надолго не хватит. Нужны более земные слова, может, насчет железной дороги. Дома валялся старый французский разговорник, и теперь я решил: надо как можно больше выучить из него наизусть.

Я рьяно принялся за дело, особенно меня подстегнула случайная встреча с Ритой, старшей сестрой Нэнси. Дело было на улице, Рита вдруг остановилась и заговорила со мной, к моему удивлению и облегчению, на английском.

В те дни ноги сами водили меня где-нибудь около дома Нэнси, и однажды вечером я перехватил ее, она откуда-то возвращалась. Мы постояли на углу возле ее дома. Вскоре появилась Рита, прошептала заговорщицким тоном: «Чего же ты, не могла быстрее Китти кушетку занять?», и Нэнси вспыхнула от смущения, это мне понравилось. Потом прошел ее отец и кивнул нам. Я махнул ему рукой, Нэнси же повернулась спиной и стояла, не замечая его. Он шагал бодрой походкой, и я сказал Нэнси, смотри, мол, отец идет, но она почему-то вдруг вспомнила о моем отце.

— Вчера я снова его встретила, — сказала она с улыбкой, и меня всего покоробило.

— Вот даже как? — хмыкнул я. — И о чем же он тебе поведал? Небось про войну байки травил?

— Нет, — ответила она с интересом. — Почему именно про войну?

— Да он только про нее и болтает, — поморщился я. — Я уж все его военные подвиги наизусть знаю. Можно подумать, с ним за всю жизнь ничего другого не случалось.

— Но знает-то он очень много, правда же? — спросила она.

— Знает, да никому не показывает. Он же самый настоящий неудачник и маме жизнь умудрился испортить. Ведь мозги-то ее на двоих приходится делить, да и тех, похоже, кот наплакал.

— Вот тебе на! — воскликнула ошеломленная Нэнси. — Зачем тогда она за него выходила?

— Ответ знает только эхо. — Я усмехнулся. Как вовремя подвернулась фраза, которую я вычитал в какой-то книжке! — По-моему, тут все ясно. — Она разинула рот и уставилась на меня, тогда я пожал плечами и презрительно добавил: — Страсть.

Нэнси снова вспыхнула и заторопилась.

— Тебе хорошо, — сказала она. — Ты знаешь, что с твоим отцом. А вот что с моим, одному богу известно.

И она поспешно убежала. Немножко обидно, но и приятно, ведь я показал себя натурой тонкой и образованной, а если она пригласит меня в гости как-нибудь в воскресенье, уж я напущу ей пыли в глаза. Да еще французский подзубрю, и все будет в ажуре.

Как ни странно, приглашать меня не торопились, но я, словно им в пику, упрямо ходил по вечерам мимо их дома. По крайней мере, не замечать себя я не позволю. И лишь через месяц-другой до меня дошла горькая истина: я там никому не нужен, вот меня и не приглашают. Нэнси видела, как я живу, разговаривала с моими родителями; ее сестры и отец видели меня, мои перешитые брюки с заплатой на заду. Да говори я по-немецки и по-французски как бог, да пусть меня даже пошлют в Индию через несколько месяцев, для них я всегда останусь чужим. Потому что я не их круга.

Кажется, в жизни я не страдал сильнее. В эти первые дни зимы я с каким-то отчаянием продолжал ходить по вечерам мимо их дома, но никого больше не встречал.

Я стоял, прислонившись к стене в переулке, смотрел на этот «храм красоты», и иногда мне казалось, что они правы: никакой я не сын герцога, я сын простого рабочего с навозной фабрики. Но в другие вечера, когда я, усталый и подавленный, в одиночестве плелся домой, во мне снова сердито вспыхивала истина, и я понимал: вот раскроется моя тайна, и Хардинги локти искусают оттого, что были так слепы. В такие минуты я мечтал: все девчонки кругом станут добиваться моего расположения, но я буду к ним равнодушен, а потом холодно скажу Нэнси, что если мне кто и нравился, так только она.

Горю моему не было предела, но тут меня случайно познакомили с одной девчонкой, Мэй Дуайер, и я как-то с первой же минуты почувствовал — изощряться в выдумках мне с ней не надо. Любая выдумка применительно к ней казалась нелепой. Ее непосредственность и прямота обезоруживали, я таких девчонок раньше не встречал. В первый же вечер, когда я провожал ее до дому, она спросила: а денег на трамвай у меня хватит? Я ужаснулся, но позже был ей даже благодарен. Потом она пригласила меня зайти и познакомиться с ее родителями. У меня поначалу даже язык отнялся, я залепетал: как-нибудь в другой раз, не так поздно, и она тут же сказала, по каким вечерам свободна. Нет, она не навязывалась, легкомыслие здесь тоже ни при чем. Все шло от ее прямоты, и она сразу же стала моей подругой и возлюбленной. Я многим ей обязан, без нее я, возможно, и по сей день считал бы, что лучший способ понравиться даме — это показать свое знание французского и немецкого языков.

Наконец я все-таки выбрался к ней в гости на чашечку чая и уже через несколько минут чувствовал себя как дома. Мэй, конечно, предложила мне подняться наверх в ее комнату, такого приглашения я никогда не получал и вспыхнул было, но вообще-то уже стал привыкать к ее причудам. Отец ее был худощавый, печальный с виду чиновник, а мама невысокая, шумная и непосредственная, чем-то похожая на Мэй, они обе безжалостно подначивали и поддразнивали отца, что бы он ни сказал. После каждого такого укола он лишь вбирал голову в плечи, но неожиданно заспорил со мной — я перед этим что-то рассказывал — насчет положения в стране, видимо, оно сильно его волновало. В те дни к положению в стране я относился с большим оптимизмом, поэтому, глубоко засунув руки в карманы, дал отцу Мэй вежливый, но твердый отпор. Он тут же припер меня к стенке каким-то фактом, загоготал от удовольствия и притащил две бутылки портера. Я к этому времени настолько освоился, что не стал отказываться. А поспорить на интересную тему я всегда любил.

— Господи! — воскликнула Мэй, когда я уходил. — Вот уж не думала, что ты такой трепач!

— Не часто доводится поговорить с умным человеком, — снисходительно ответил я.

— Послушал бы ты моего старика, сколько я слушаю, может, он не показался бы тебе таким умным, — возразила она, но без возмущения, и мне даже показалось, что она довольна — вот какой у нее кавалер, даже отца сумел развлечь. Да и сама она, мол, всегда была толковой девчонкой, только все не тех парней встречала. В годы моего за ней ухаживания мы частенько ссорились в дым, но с ее отцом у меня была любовь с первого взгляда. Вскоре меня выгнали с железной дороги, и именно он устроил меня на другую работу, заставил не бросать ее. Бедняга, так ему хотелось, чтобы в доме появился еще один мужчина.

Прошло несколько месяцев, и вдруг я столкнулся на улице с Нэнси Хардинг. Я здорово смутился, потому что сразу понял: все, что я нафантазировал, пока кружил вокруг ее дома, оказывается, правда. Да, я вроде бы встретил хорошую девчонку себе под пару, но моей первой и самой чистой любовью оставалась Нэнси.

— Слышала, тебя с Мэй Дуайер теперь водой не разольешь, — сказала она, и что-то в ее тоне показалось мне странным.

— Да, мы часто встречаемся, — не стал отрицать я.

— Быстро же она тебя подцепила. — Нэнси попыталась улыбнуться, но улыбка вышла какая-то кривая.

— Не знаю, при чем тут, как ты выражаешься, «подцепила». — Я сразу же стал высокомерным. — Она пригласила меня к себе домой, я пошел, вот и все.

— Да, нам про это известно, — сказала Нэнси, и сейчас я безошибочно уловил в ее голосе злобные нотки. — Можешь не рассказывать.

— Рассказывать-то особенно нечего, — ответил я с вкрадчивой улыбкой.

— И французский с немецким она, наверное, знает как родной? — спросила Нэнси.

Эти слова — напоминание о моем вранье — больно ужалили меня. Я знал, особым тактом ни одна из сестер не отличается, но и подумать не мог, что в семье Хардингов мои невинные выдумки стали ходячей шуткой.

— Честно говоря, — слабо произнес я, — не знаю, Нэнси, о чем ты говоришь. Мэй пригласила меня в гости, я пошел, а пригласила бы ты — пошел бы к тебе, только и всего.

— Ах, только и всего? — воскликнула Нэнси голосом базарной торговки, и, к своему удивлению, в ее глазах я увидел слезы. — Да будь у тебя дом, как у меня, ты, наверное, тоже постеснялся бы туда людей приглашать! Да еще с моими сестрами! С моим отцом! Хорошо тебе брюзжать про своего старика, достался бы тебе мой, тогда бы ты понял! Старый противный боров, слова от него не дождешься! Тебе-то легко говорить, Ларри Делани! Куда как легко!

Тут она заплакала и кинулась прочь, а меня словно обухом огрели: я не мог двинуться с места. Да и побеги я следом, все равно не нашелся бы, что ей сказать. Я был потрясен, никак не мог уразуметь, что же произошло, — слишком неожиданно все получилось, слишком силен был удар по моим выдумкам и фантазиям. В тот вечер я даже не встретился с Мэй, хотя собирался, — все не мог прийти в себя. Забрел далеко-далеко — за холмы, к речке — и все думал: что мне теперь делать? В конце концов я, разумеется, ничего делать не стал: мой скудный жизненный опыт не мог подсказать мне решения. И только спустя многие годы я понял, почему мне так нравилась Нэнси: мы были родственные души, дети герцога: и я и она. Их много, этих маленьких парий, тоскующих по придуманному отчему дому, по сказочному миру. — так они и идут по жизни, лелея несбывшуюся детскую мечту.

Перевел с английского М. ЗАГОТ

НОВЫЙ «ДОН ЖУАН»

«Моя цель, — говорит американский режиссер Джозеф Лаузи, — вернуть людям оперу. Для этого мало перенести спектакль даже лучшего театра на экран и сделать его доступным теле- и кинозрителям. Такой механический перенос будет просто спектаклем второго сорта. Оперу можно раскрыть языком кино так, что миллионы слушателей побросают все свои дела и устремятся к экрану. Почти каждая опера позволяет создать такую же напряженность действия, как в лучших детективах, и при этом сохранить все очарование великих музыкальных творений». Для своего эксперимента Лаузи выбрал оперу Моцарта «Дон Жуан». Испанский гидальго впервые пришел из народной легенды на сцену театра в XVII веке в пьесе Тирсо де Молина. «Сегодня я хочу снова вернуть его широкой публике», — говорит режиссер. Н а с н и м к е: кадр из увертюры к фильму-опере «Дон Жуан».

ОРУЖИЕ ЖЕНЩИН ЧИЛИ

Перед вами арпильер — ковер из грубого холста, расшитый цветной шерстью. На нем лозунг: «Каждый человек имеет право на труд и на свободный выбор профессии». Женщины Чили создали сотни нелегальных объединений для каждодневного упорного сопротивления режиму Пиночета. Их традиционное искусство — арпильеры тоже стали оружием в борьбе. Раз в неделю вышивальщицы собираются и обсуждают сюжеты очередных работ. А сюжеты подсказывает сама жизнь: траурная процессия женщин Сантьяго на площади перед дворцом Монеда в годовщину кровавого переворота; красный холмик гвоздик на кладбище Вина дель Мар (в Чили считают, что там похоронен Альенде). Так было в жизни, и об этом рассказывали арпильеры, которые стали хроникой сопротивления, призывом к борьбе и единству.

МЫ МОЖЕМ УПРАВЛЯТЬ САМИ!

Сто-двести лет назад европейские поселенцы в Америке, захватывая плодородные, тучные земли, силой сгоняли с этих земель индейцев, оттесняя их в бесплодные, безжизненные в ту пору штаты, такие, как Колорадо, Юта, Аризона, Нью-Мексико, Монтана, Айдахо, Вайоминг. В наши дни этим диким скалам и изъеденным ветрами полупустыням, принадлежащим 25 индейским племенам, суждено стать копями царя Соломона: здесь половина всех американских запасов урана, 30 процентов угля, 4 процента нефти и природного газа и многие другие ценные ископаемые.

Потомки недальновидных первопоселенцев из Европы никак не могут согласиться с тем, чтобы эти кладовые земли оставались у индейцев. Подкуп, шантаж, а иногда и убийство — и участки переходят в собственность предприимчивых компаний, а индейские территории тают, как снег весной. Энергетический совет, созданный индейцами в защиту своих владений, преследует две цели: справедливое отчисление средств в пользу индейских племен, на землях которых орудуют нефтяные, газовые и другие монополии, — первая. И вторая — государственная субсидия племенам, на землях которых найдены полезные ископаемые. «Мы хотим сами разрабатывать и пользоваться нашими природными богатствами», — говорит Питер Макдональд, президент Энергетического совета.

О ЛОСЯХ И ЛЮДЯХ

Под таким заголовком в «Ровеснике» № 3 за 1980 год мы опубликовали заметку, в которой рассказывали о бедственном положении лосей в Канаде. Сейчас разговор о Швеции, где ситуация прямо противоположная: в результате мер по охране животных в стране насчитывается ныне 300 тысяч лосей, которые стали просто стихийным бедствием. Так, только в 1979 году в автомобильных катастрофах с участием лосей погибли 20 человек и 350 получили ранения. «Разбойничают» лоси и в городах. Н а с н и м к е: этот представитель фауны забрался на второй этаж дома в Стокгольме — очень уж ему понравилась балконная флора!

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ПОЮТ ФРАНЦУЗЫ?

Такой вопрос задал своим читателям журнал «Мюзик-медиа». «Французское радио и телевидение более 40 процентов времени отводят исполнителям, поющим на английском, а вернее, на американском языке, более 50 процентов пластинок выходит с записями этих же исполнителей. Может быть, французы разлюбили свои знаменитые шансоны?» — писал журнал в предисловии к анкете. Оказывается, не разлюбили. Более того. Они создали примерно четыреста организаций, где люди разных профессий сочиняют и исполняют песни в традициях Мориса Шевалье, Жоржа Брассанса, Жака Бреля, Шарля Тренэ (его вы видите на снимке). Например, докеры Гавра во время забастовки создали песню «Красная косынка», и она стала гимном всех забастовщиков. Национальный синдикат авторов и композиторов подсчитал, что в год непрофессиональные музыканты пишут около 45 тысяч песен. Но напрасно искать пластинки с этими песнями в магазинах, не услышать их и по радио. «Музыкальный отбор в нашей стране, — пишет журнал «Мюзик-медиа», — делают многонациональные монополии «Филипс» (голландская), Си-Би-Эс и Эр-Си-Эй (американские), ЭМИ (английская)». Ну а французы? Они все-таки поют по-французски.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ НА ПЕРЕВОРОТЫ

В получасе езды от города Атланта в штате Джорджия есть процветающая ферма. На снимке запечатлен момент трудового дня ее обитателей. Здесь, как видите, не сеют и не пашут. И тем не менее дюжие молодцы в пятнистых комбинезонах вправе называть себя фермерами, а чудак с сигарой и в шотландской юбке — главным фермером. Чудака зовут Митчелл Ливингстон Вербелл. Ему 61 год. Он полковник. Род войск не афиширует, но известно, что карьеру начинал еще в отделе стратегических служб (ОСС) — предтече ЦРУ. Старые друзья полковника занимают высокие посты в секретных инстанциях. Они зовут его просто Митч и запросто выручают из мелких передряг. Как было, скажем, когда Митч влип с контрабандой 50 тысяч фунтов марихуаны. Зато Митч может в любой момент предоставить в распоряжение старых друзей отряд профессиональных головорезов, умеющих убивать хоть кухонным ножом, хоть индейским томагавком, хоть из автомата любой системы. Всему этому обучают на «идиллической» ферме. Предприятие Митча сугубо частное (курс обучения — 2500 долларов), и он может посылать своих парней в любое место земного шара без бюрократической волокиты. Неудивительно, что школа Митча пользуется завидной репутацией и за границей. Ждут приема абитуриенты из стран с диктаторскими режимами Латинской Америки, из Западной Европы, из Азии.

В МИРЕ КИНО. Ни один киноактер не любит сниматься в однотипных ролях. Но что делать, если ты акула (вернее, механический муляж акулы)? Брюс — так кличут механическую акулу, снимавшуюся в нашумевшем голливудском фильме ужасов «Челюсти», — поплыл вниз по течению. За «Челюстями» последовали «Челюсти II», затем серия телефильмов; наконец Брюс докатился до совсем уж безрадостной работы: служил приманкой для туристов в пруду перед студией «Юниверсал» — поедал муляжи рыболовов. Но, по лучшим голливудским стандартам, о стареющей «звезде» вспомнили: пригласили съесть парочку злодеев в новом фильме. И, увы, тут-то бедный Брюс не выдержал: как отмечает журнал «Тайм», в результате безжалостной эксплуатации у Брюса сломались зубы.

ЦЕНА «ЗОЛОТОГО ЯБЛОКА»

Помидор, по-итальянски «pomodoro», — золотое яблоко. Но еще никому и никогда не удавалось эти вкусные оранжевые шары превращать в чистое золото. Открытие сделала итальянская мафия. В провинции Кампания, которая снабжает помидорами всю Италию и почти всю Западную Европу, мафиози скупают за бесценок у крестьян урожай; при покупке они действуют старыми, испытанными методами: заупрямившегося продавца «наказывают» (поджигают дом, травят поля, а особо упрямых просто «устраняют») другим в назидание. Затем купленные таким путем «золотые яблоки» перепродают фабрикам, которые готовят помидоры для продажи. Помимо помидоров, мафиози поставляют фабрикам и рабочую силу — женщин и подростков, благодетельствуя сразу двум сторонам. Фабрики получают дешевую и послушную, без всяких там профсоюзов или забастовок (мафия за этим следит строго) рабочую силу, а ограбленные крестьяне получают возможность хоть чуть-чуть заработать. За каждого сезонного рабочего «благодетель» получает от предпринимателя 1500 лир в день. Как считает итальянский журнал «Эуропео», доходы мафии на помидорах достигают 80 миллионов лир в год.

28

Песню, которую мы публикуем здесь, написал молодой американский поэт и композитор Майкл Глик. Песни Майкла поют американские комсомольцы на собраниях Союза молодых рабочих за освобождение, поют студенты на демонстрациях, рабочие во время забастовок. Майкл бывал в нашей стране, неоднократно выступал на сочинских международных фестивалях «Красная гвоздика» как участник и как почетный гость. На снимке вы видите Майкла Глика (**крайний слева**) с группой «Новая песня» — в этом составе в прошлом году он давал концерты, сборы от которых поступали в фонды Международного года ребенка.

ПЕСНЯ РАБОЧЕГО

Слова и музыка МАЙКЛА ГЛИКА
Русский текст П. ЛЕБЕДЕВА

1. Рабочим людям, их сильным рукам
   простую песню я пою.
   Машины, заводы, станки, дома
   они построили в этом краю.

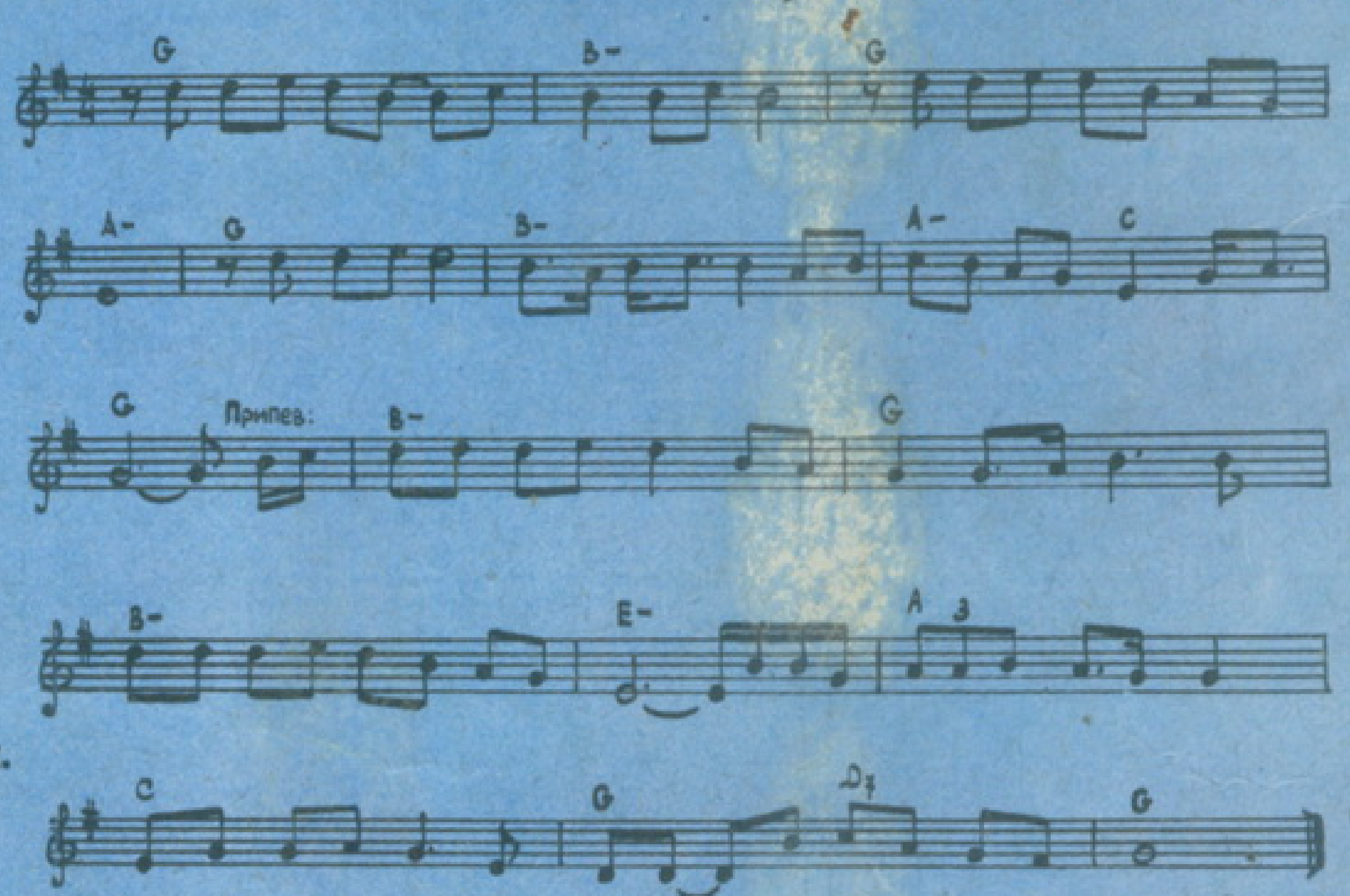
Припев:

Как птенцы, мы пока только учимся летать,
но рвемся к небу сквозь облака.
Ведь сердцем и слепой дорогу может отыскать,
мы правду найдем наверняка.

2. Не я один эту песню сложил,
   ее поют на сотни ладов,
   я лишь собрал из многих сердец
   крупицы простых, искренних слов.

Припев.

(Повторить на мотив припева):
Пою я песню для людей, что трудятся в полях,
куют металл и плавят сталь, плывут на кораблях.
Во всех краях простых людей объединяет труд,
они идут плечом к плечу, за счастием идут.

1. Here's to the people, those hardworking hands
   Built everything there is to see.
   Here's to the lives torn from other lands,
   And to those who once lived here roaming free.

Припев:

Like a bird that learns to fly
we may fall from the nest,
And though the course we set is often wrong,
But if a blind man can see the truth
with an open heart,
A worker can sing a worker's song.

2. This song is not my own, I didn't write it,
   The words come from many hearts and minds,
   And the melody has many tunes behind it,
   But the meaning is clear for all to find.

Припев:

Here's to the land meant for all to share,
From the plains and mountain ranges
to the harbors on the sea.
And to those who owned it all
before the white man came.
Now they live on reservations
in this land of liberty.

Припев:

And here's to the people who labor in the fields,
In factories and offices and forges making steel.
They came from many lands with hope,
while others left in pain.
Some came here for freedom
and some were bound in chains.

Индекс 70781
Цена 25 коп.